



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК



ВЛАДИМИР ИЛЬИН  
НАПРЯЖЕНИЕ

## Annotation

В этом мире слово способно начать войну. Оно же остановит кровопролитие, будет гарантом мира и крепкого союза. Таковы правила: слишком много силы в крови одаренных, чтобы лжецам позволили существовать. Однако ложь все равно будет жить, свивая гнездо в сердцах самых честных и благородных, обволакивая страшные преступления красивыми словами, превращая подлость в великий подвиг.

Будет предан забвению собственный сын, забыт и вычеркнут из родовой записи – ради великой цели, во имя исполнения пророчества. Княжеский род закроет на это глаза и разделит вину – плата достойна награды.

Но у наследника именитых властителей, выкинутого в приют заштатного городка, найдется своя точка зрения.

---

---

# Владимир Ильин

## Напряжение

*Автор благодарит писателя Н. А. Метельского за предоставленное разрешение использовать элементы мира из книг последнего*

Недобро смотрелась на небе сеть перистых облаков, подсвеченная огнями спящего города, – распахнувшаяся от горизонта до горизонта, она будто бы запирала миллионы горожан черно-серыми прутьями исполинской решетки. Не сбежать, не выпорхнуть. Впрочем, никто и не пытался. Наоборот – тысячи добровольных узников ежедневно прибывали в столицу, полные надежд навсегда остаться в сером, грязном узилище столицы... а если очень повезет – то и разменять свободу на служение тем, кто обитал в одном из сотен небоскребов-представительств, чьи вершины плыли над решеткой облаков. Аристо любили забираться повыше.

Тем же, кому не повезло родиться с гербом над колыбелью, предстоял длинный путь самосовершенствования, чтобы стать полезным высокородному господину. Уникальный навык и профессионализм, солидный опыт работы и огромная трудоспособность, верность и высокий боевой ранг – многое ценилось представителями династий, традиционно избиравших в служение лучших из лучших, и от претендентов не было отбоя. Дело не в деньгах или роскоши – истинный мастер своего дела, опытный специалист или сильный боец вряд ли испытывает потребность в финансах. Но только там, подле аристократа, была власть – крохи по сравнению с властью господина, однако даже эти крохи поднимали человека на недосягаемую для остальных высоту. Ибо слуга аристо – левая его рука. А если простолюдина ударила левая рука аристократа – его удел терпеть, проглотив обиду и ярость.

Вот только слуга – еще и частица чести рода, так что истинным властолюбцам сворачивали шею сами хозяева. Чаще всего еще до того, как тот успевал посадить пятно на честь господина безобразным поступком. Впрочем, слуги были вполне довольны самим наличием огромной власти, уважением к статусу и защитой для себя и собственной семьи – уже ради этого стоило не падать себя, работая по двадцать часов в сутки. Награда не заставит себя ждать – восхождение по иерархии слуг однажды завершится на самой вершине одного из родовых небоскребов. Что может быть лучше? Разве что право уйти на покой, оставив свое место детям – на одно поколение. Если те окажутся хотя бы на треть столь же способными, как родители, сытая жизнь им обеспечена – вместе с шансом основать династию слуг. Такое мало кому удавалось.

Пожалуй, личный референт князя Михаила Викентьевича Панкратова был к награде ближе остальных, четвертый десяток лет продолжая служить роду с верностью собаки – и со столь же крепкой хваткой, молодым на зависть. Выглядел он совсем не на свой возраст – высокий, поджарый, без намека на старческие морщины на руках и лице.

Об уготованной награде референт даже не подозревал, продолжая преувеличенно бодро декларировать успехи клана. В последние полгода появилась у старика такая черта – сообщать плохие новости в самом конце, вываливая вперед тонны приятных фактов. Будто бы боялся гнева.

Впрочем, действительно важные вещи под это правило не попадали, так что в определение «плохое» входили мелочи, неприятные, но вполне терпимые, а уж на фоне перечисленных ранее успехов – так и вовсе пустяки. Тем не менее это не давало покинуть кабинет, отнимая от короткого сна князя, хозяина одного из сотен удельных княжеств огромной Империи, владельца заводов, корпораций и рудников, бесценные минуты. Был бы это другой день – ничего страшного, но последняя неделя обходилась вовсе без сна...

а референт этого будто бы не замечал, продолжая тараторить бесполезную в общем-то информацию. Значит, пришло время менять, щедро одарив в пример остальным – не в этом году, так в следующем.

Князь вздохнул, стоя перед окном, сжал руки в замок за спиной и резко выдохнул, повелительной фразой, перебив референта:

– Еще что-нибудь?

К счастью, слуга понял его правильно и листнул сразу десяток запаянных в пластик прямоугольников отчета.

– Небольшие сложности под Каратобэ, господин. Семья Остер отступила вглубь нефтеперерабатывающего комплекса. Активные действия затруднены и грозят разрушением объекта, у противника два бойца ранга «учитель». Диверсионные отряды малоэффективны, противник отлично знает территорию. НПК – родовое предприятие Остер, господин.

Референт предупредительно замолчал, ожидая повеления своего главы. А тот не торопился отвечать, слегка скривившись от досады. Вот и причина, почему список восхвалений выдался на диво длинным – соразмерно ему и проблема. Ничего срочного, ничего важного. Просто предстоит решить: жить гордому семейству, не способному понять, что если не Панкратовы, то придут другие, или умереть. Не первый раз за эту неделю он решал чужую судьбу, и наверняка не последний.

Война на юге страны вспыхнула без всякой подготовки, неожиданно. В том не было злого умысла или хитроумного планирования – иначе бы все действия были продуманы на пять шагов вперед отделом аналитики, а он бы не стоял, глядя на город и решая, что делать с остатками мертвого клана.

Просто старые владельцы обширных территорий слегка переоценили свои возможности, лишились двух бойцов ранга «мастер» и перестали существовать.

Сухо, емко, трагично – вполне достаточно, чтобы доходчиво объяснить любому, что улыбка симпатичной незнакомки в ночном клубе – совсем не повод тащить ее в свою машину. Даже если вы «мастер», как и ваш брат, а рядом одобрительно похохатывает охрана из двух «учителей». Потому как родовым умениям древних семейств в общем-то наплевать на ваш ранг и ранг свиты – главное, стойте компактно. Так что юная красotka перепугалась и сожгла двух идиотов вместе со свитой, машинами и половиной здания у дороги, а перепуганное заплаканным голосом семейство вырезало всех оставшихся наследников той же ночью – ни один из них недотягивал до «мастера». К слову, были в своем праве и мести могли совершенно не опасаться – мстить уже некем, а вассальные рода клана не станут объявлять войну, защищая мерзкий поступок. Вот если бы кто-то из главного рода выжил, тогда да, клятва обязала бы исполнить волю господина... Быть может, потому всех и вырезали, методично, хладнокровно, заведомо приготовив версию об испуге за наследницу – так оно куда правдоподобнее. В общем-то не важно. Главное – одна-единственная глупость перечеркнула шесть столетий существования известной фамилии, а вместе с ней – и клана. Слабенького, малоуважаемого (с такими-то руководителями), но все-таки – клана: объединения родовых корпораций, спаянных клятвой главному роду. И без этого рода, пусть и плохонького, остальным в одиночку было просто не выжить.

Потому мгновенно возник вопрос – кому достанутся ныне бесхозные земли, с людьми, городами и производствами на них. Виновники гибели клана демонстративно отошли в сторону, показывая богатство рода, честь и гордость – мол, их вполне удовлетворила смерть обидчиков. Бывшие клановые рода медлили... думали, что все будет по-прежнему?

Император глянул вполглаза и вернулся к выбору новой фаворитки.

Уловив настрой, в столице тут же принялись методично делить чужое, договариваясь, интригуя, собирая альянсы и вороша старые противоречия. К концу месяца все должно было обрести новых хозяев – без единого выстрела или всплеска силы. Солидные люди предпочитали воевать, заседая за длинными столами, выдвигая в наступление армии чисел банковских счетов, сотрясая воздух залпами криков о древности рода и перечислениями боевых рангов своей родни и вассалов. Мнение будущих жертв никого не интересовало – те сами похоронили себя промедлением.

Пока в столице кипели интриги, кочевали солидные суммы с одного счета на другой, гремели дуэли днем и шептали ночью фаворитки, Панкратовы с грацией топора перекинули на землю мертвого клана половину собственной армии. Пока остальные говорили, специалисты клана работали без сна и отдыха над тем, что принято деликатно называть «обеспечением лояльности». Выходило на удивление быстро и легко, практически без крови. Просто был один господин, а стал другой, и даже бремя налогов снизил – простые люди принимали изменения довольно спокойно, а аристократы даже рады были перейти под руку уважаемого клана – скопом, не теряя налаженных связей и цепочек производства. Больше их число, во всяком случае...

Так что когда в столице все поделят, внезапно окажется, что земли де-факто уже принадлежат Панкратовым – приняты присяги, развешены штандарты и гербы. Остальные, разумеется, будут недовольны. Разумеется, соберут бессмысленную говорильню и даже напишут письмо императору. И, само собой, утрутся. Потому что делить чужое – это одно, а воевать, оплачивая кровью и жизнями, – совсем другое. В столице разучились идти умирать, предпочитая посылать на смерть вассальные рода, наемников, должников, на худой конец – младшее поколение. А ведь этого не хватит, совсем не хватит – воевать придется не с хилыми родами Китая, промышленявшими набегами и контрабандой, не с вольницей Свободных земель, не с мятежной областью, одуревшей от поборов, не вести вялотекущую «родовую войну» третью сотню лет в каком-нибудь глухом уголке земли. Стоит сорваться лишнему слову о войне – и враг сам придет к ним, в их дом, без единой секунды промедления.

Михаил Викентьевич оскалился хищной улыбкой и хрустнул пальцами, вытягивая руки, сцепленные в замок. Воевать он умел и любил, как и боевой костяк клана. Как и три клана-союзника. Так что старикам-интриганам ничего не перепадет, разве что затаят недоброе и попытаются отыграться в будущем, на что совершенно наплевать – потому как *все* против *всех* затаивают и пытаются.

На мгновение промелькнула мысль – интересно, если бы его сын остался жив, стал бы он таким же осторожным столичным мудрецом, ради спокойствия и жизни внуков, правнуков? Вместо боя – тепло камина, мелкий карапуз на коленях, цепляющийся за бороду... Князь мотнул головой, отгоняя теплый образ. Не судьба ему проверить.

– Вы лишили меня сына, а я лишу вас всего, – тихо, одними губами произнес он, со злостью рассматривая скопление башен-гигантов в центре города.

Он не боялся прослушки – окна с той стороны выглядели сплошным зеркалом, а усилия тех, кто пользовался аппаратурой снятия звука с поверхности окна, блокировал крошечный механизм, приклеенный десятком резиновых лапок к внутренней стороне оконного стекла, что еле заметно для глаза выводил беззвучный ритм. Хозяин кабинета притронулся подушечками пальцев к прохладной глади и прислушался. Нет, не слышно, только легкая

дрожь покалывает пальцы. Зато у наблюдателей на другой стороне улицы гремит в наушниках легендарный протяжный бас: *What a wonderful world*. Чуть хриловатый, наверняка все-таки помехи... Быть может, так даже лучше – словно со старой пластинки, по которой скользит игла проигрывателя. Во всяком случае, это ощущение куда ярче, чем бесцветные разговоры по эту сторону окна.

– У соперника нет сил для прорыва блокады. С учетом отсутствия существенных запасов продуктов аналитики прогнозируют капитуляцию в течение месяца...

– Нет. Войска отвести, семье Остер принести извинения и выплатить контрибуцию. У них есть потери?

– Трое раненых, господин.

– Обеспечить медицинскую помощь, выделить целителя. Предложить от моего имени восстановить инфраструктуру и несколько выгодных контрактов.

Если семья Остер проявит крупицу сообразительности – будут процветать, а там, глядишь, у Панкратовых появится новый боевой род. Сражаться против армии и умудриться отступить без потерь – дорогого стоит. Таких следовало беречь, неспешно связывая родством и бизнесом, благо меж ними не было трупов – а значит, и стены злобы.

– Да, господин. По вашему слову.

– На этом все?

– Нет, господин. – Референт слегка замялся, перелистнув страницу назад, и изобразил чтение с листа – неправдоподобно, с его-то идеальной памятью.

Значит, еще одна неприятность.

– Глава рода Колобовых настаивает на личной встрече с вами.

Князь полуобернулся, бросив на слугу вопросительный взгляд.

– Финансисты, банкиры, немного ростовщики. Обитают всей семьей в столице, за два дня до начала конфликта переехали в «Карл Ритц Отель», под защиту императора Германии. Ранее обслуживали счета клана и все его платежи.

– Будет требовать особых условий, – утвердительно произнес Панкратов, вновь отвернувшись к окну, – но нам не нужна дублирующая финансовая структура.

– Если присоединившиеся к клану семьи перенесут активы к нам, они разорятся, господин, – мягко подсказал слуга.

– Собираются препятствовать?

– Уже, господин. Живые деньги своего банка они уже обменяли на мусорные бумаги десятка подставных компаний по всему миру. Обратный обмен возможен только по доброй воле Колобовых, это и будет предметом торга. Иначе все ваши новые вассалы станут нищими.

– Он себя бессмертным считает? – фыркнул князь.

– До родных нам не добратся, а его самого защитит статус гостя, – рассудительно произнес слуга. – В любом случае деньги нам нужнее, чем его жизнь.

– Репутация важнее денег, – проворчал Михаил Викентьевич, качнулся с пятки на носок, обдумывая решение. – Надо его подготовить к беседе, надавить, вывести из равновесия.

– Авария по пути, господин?

– Ни в ком случае, он гость! Пока едет к нам и от нас – ни единого волоска не должно упасть с его головы! Вот что: поставь перед ним просителя, которого не жалко. Посадите их вместе, пусть поскучают в компании, привыкнут друг к другу. Потом протащим труп просителя прямо перед Колобовым. Желательно аккуратно вскрыть аорту, зажать чем-то

и в нужный момент дернуть тело, чтобы кровь попала Колобову на брюки и ботинки.

– Господин, есть подходящий кандидат! – посветлел лицом референт, вновь заскрипев пластиком страниц. – Некто Самойлов Максим Михайлович, девятнадцати лет, из мещан. Директор подрядной компании, обслуживает нашу больницу в Ельниках.

– Он крадет у нас?

– Аналитики пишут, что нет. Расходы сократились на треть. У Самойлова конфликт с новым руководителем больницы, тот хочет забрать бизнес себе. Тем не менее прошение об аудиенции исходит именно от директора. Мы уточнили этот момент – в секретариате больницы о письме ничего не знают. Парень подделал бланк и подпись.

– Или незаметно подсунул директору, обхитрив.

– Тем не менее он желает потратить ваше время, господин, на решение собственных мелочных проблем. Одно это достойно смерти.

Панкратов почувствовал некое внутреннее неудобство – выходило, что парень перспективный и приносит роду деньги. К переводу столь ценного ресурса он относился весьма неодобрительно.

– К тому же парень одаренный, – бодро добавил референт. – Он сможет умирать красочно и долго даже с крупными рваными ранами и лишившись конечностей! Мы можем сделать так, что он взглянет Колобову в глаза, пока его будут волочить мимо.

– Добро, бери в работу. И оформи все красиво – нашего гостя не впечатлит смерть неотесанного бедняка.

– Сделаем в лучшем виде, господин, – уважительно поклонился референт.



# Глава 1

## Тринадцать лет тому назад

Внимательность заменяет предвидение. Огонек сигареты в темноте подъезда, пьяный смех большой компании, звон разбитой бутылки, стон механизма – любой приметой вполне достаточно, чтобы предугадать неприятность и попытаться ее избежать. Разумеется, если неприятность уже не выбрала вас своей целью.

У младшей группы Верхне-Новгородской школы-интерната тоже были свои приметы, предрекавшие боль и проблемы. Визгливый крик нянечки, глухой звук удара линейки по стене, скрежет переворачиваемых при досмотре тумб. Так себе проблемы – тех, кто не делал в постель, держал руки и ногти в чистоте и не тащил еду из столовой, задевало только краешком, для острастки.

Беда, куда хуже, двигалась вслед за обладателями звонких голосов старшей группы, от скуки и безнаказанности заваливающих к мелким по несколько раз в день. И если от остальных бед еще можно было уклониться, вовремя встав подальше от виновника и его проблемы, то эта неприятность сама выбирала себе жертву из числа испуганных, сжавшихся в общую толпу детей. На этот раз выбрали меня, вытащили из второго ряда испуганной детской кучи и протасили, упирающегося, за собой. Я прямо слышал, как выдохнула толпа за спиной – лишь бы не их.

Стандартный развод – окружить одиночку и с серьезным видом уговорить сделать то, чего делать категорически нельзя. В моем случае подстава выглядела как две спицы, выглядывающие из розетки. Рядом, на табурете, лежала забытая нянечкой пряжа, из которой и выудили железки – некоторое время ими пофехтовали, потыкали тех, кто не успел вовремя сбежать, затем заскучали и придумали новую забаву. Со мной в главной роли.

– Спорим, одной рукой не достанешь? – нависал надо мной старший, кривя губы в ожидании развлечения.

– Да он слабак! – подначивал подпевала.

– И ничего не слабак, – надувал я щеки, досадуя на собственное невезение. Мне было шесть, что не мешало четкому осознанию: быть жертвой этой четверки – крайне хреново и чаще всего больно. И любое мое действие под их понуканием приближает эту боль.

– Быстро взял! – рывкнули сзади, снабдив подзатыльником. Эдак и нянечка может вернуться, и всему развлечению конец.

Испорченную пряжу повесят на меня – понять это вполне хватило ума. А вот опасности в двух спицах я не видел – как-то не объяснял никто в приюте опасность электрического тока, изредка просто шугая от розеток любопытствующих. Розетка – это было «нельзя подходить», «нельзя трогать» – такое же табу, вроде аптечки или ручек на окнах. Так что я чуть сторбился и резко зажал спицы в ладошке, сердито пыхтя, и одновременно отчаянно желая, чтобы нянечка вернулась вот прямо сейчас и увидела всю сцену целиком. Да так и замер, закрыв глаза и ожидая развития событий.

– Не работает, что ли? – недоуменно произнес парень справа.

– Свет есть, – неуверенно вторили ему, щелкнув переключателем рядом.

Я с испугом посмотрел на старших, боясь сдвинуться с места.

– Дай-ка... – Главный коснулся было плеча... и тут же резко толкнул меня в сторону

стены – не специально, просто парня буквально отшвырнуло от меня, бросило на пол, где он и замер с испуганным видом, за мгновение до того, чтобы заорать и разреветься.

На крик влетела нянечка, охнула, углядев в первую очередь меня у розетки, и понеслась спасать. Ее отшвырнуло чуть ближе, и в себя она пришла почти сразу, выдав визгливым голосом штук тридцать непонятных слов, из которых несложно было сложить картину будущего наказания. Тогда я вынул спицы из розетки и протянул в сторону нянечки, с извинениями. Как мне показалось, помогло – поток воплей тут же иссяк, сама женщина попятилась от меня, не вставая, затем лихо для своих габаритов перевернулась и убежала за дверь. Пока я размышлял, стоит ли и мне разреветься и что делать со спицами, нянечка уже вернулась с директрисой – высокой, чуть полноватой теткой со злым взглядом и той самой длинной деревянной линейкой.

Директриса медленно оглядывала зачинщиков, скучковавшихся у стены напротив меня, на несколько секунд останавливая взгляд на каждом. Словно угадывая ее мысли, нянечка тут же принималась шептать ей на ухо имя, возраст, номер группы, свои сетования и похвалы. По ее словам выходило, что ребята хорошие и вообще никак не виноваты, наоборот – спасали ребенка-дурня, всунувшего спицы в розетку. Вот тогда я и разревелся – из-за обиды на такое вранье и несправедливость. В шесть лет есть плохие и хорошие, белое и черное, зло и добро, так что негласный союз хулиганов, запугивающих четыре десятка детей, и единственной на этаж нянечки, весьма довольной, что дети не орут, не шумят и слушаются – пусть и ценой безнаказанности четырех уродов, – смотрелся ужасным преступлением.

Дальше помню фрагментами – меня подняли, подвели к кровати, что-то дали выпить, а потом наступило утро следующего дня.

С того дня изменилось решительно все. Нет, меня не ругали и не били – наоборот. Все словно забыли о произошедшем, будто бы и не было ничего вчера. Но новый день все равно разительно отличался от череды предыдущих – во-первых, стали иначе кормить. Рядом с общими столами поставили еще один, на четыре персоны, за которым сидел только я один, а блюда, которые мне предлагала наша скудная столовая, в разы отличалась по качеству и количеству от того, что размазывали по тарелкам остальных. Разумеется, это не осталось без внимания коллектива ровесников – завидовать они уже научились, а думать пока что не очень, предпочитая действовать. К моему искреннему изумлению, разговор в духе «а че ты, вот я тебе сейчас в глаз дам» пресекла четверка тех самых старших, грамотно отмутузив обидчиков и пригрозив каждому из невольных зрителей повторить то же самое, если кто-то хоть пальцем меня тронет. Я будто бы стал заповедным зверем этого заведения – меня кормили, охраняли, контролировали здоровье. Из недостатков – ежедневный бег утром и вечером, несколько болезненных уколов, отдельная зарядка днем и горькие таблетки вместе с завтраком и ужином. Другой бы обрадовался, я же неким звериным чутьем, необъяснимым ни опытом – которому неоткуда было взяться, ни чем-либо еще – не было никаких явных фактов, которые мог бы понять шестилетний-я, чувствовал недоброе. Каждый день смотрелся братом-близнецом предыдущего, менялись незначительные детали – вроде погоды, еды, мелькающих мимо лиц. А потом прозвучал колокольчик в руках первоклассницы первого сентября – день, в который все мои ровесники пошли в первый класс. А я – нет.

Занятия проводились тут же, в восточном крыле интерната, так что этот знаменательный день я попросту никак не мог пропустить – даже вышел вместе со всеми

во двор, строиться прямоугольниками перед белой чертой в составе «а» или «б» класса – смотря в каком из списков окажется моя фамилия. Оказалось, что меня не было ни в одном из них, так что я просто остался рядом с «б» классом, легко рассматривая площадку перед входом поверх голов сверстников – за год индивидуальных занятий я солидно вымахал. Приветственные речи директрисы и небольшой концерт в исполнении старшеклассников уместились в половину часа, после чего первоклашкам уступили право первыми войти в здание – только на этот раз они впервые пойдут не в левое крыло, в жилые комнаты, а в правое. На входе меня и перехватила директриса, легко выдернув из общей толпы, и строгим голосом приказала идти к себе. Так у всех ровесников появился еще один повод для зависти – пока они корпели над уроками, «этот бездельник» мог лежать на кровати. Правда, я-то не лежал, а бегал-прыгал под наблюдением нянечки, тщательно сверявшей все, что мне предстоит сегодня сделать, с планом в зеленой тетрадке. Для соседей по комнате всего этого не существовало, зато был везучий гад, которого давно пора проучить.

Народное возмездие пришло в последний четверг октября, через два часа после отбоя. Устав после очередного многочасового забега вокруг корпуса – мои занятия продолжались и зимой, под зорким взглядом личного надзирателя, предпочитавшего, впрочем, следить из окна, – я предпочел не заметить необычную тишину при моем появлении в общей спальне, проигнорировал колкие взгляды и кривые усмешки, махнул на все это рукой и завалился спать. За что и поплатился – когда на меня резко навалилась тяжесть нескольких тел, набросили на лицо шерстяной плед и начали осыпать быстрыми, без размаха, ударами, делать что-либо было уже поздно. Крик не прорывался через плотную ткань, руки и ноги надежно прижимали к кровати, не давая пошевелиться. Только дергался, когда по телу проходили особенно болезненные вспышки боли, но этой силы было недостаточно, чтобы сбросить с себя как бы не с десятков ребят. Дальше стало еще хуже – потратив все дыхание на крик, я с ужасом осознал, что не могу вдохнуть – плед прижали слишком плотно. Дернулся на этот раз в откровенной панике, но враги только сильнее навалились, с азартом продолжая «учить» упорствующего гада. А у меня уже шли фиолетовые круги перед глазами и дико шумело в висках. Из последних сил я попытался оттолкнуть своих мучителей, вложив в эту попытку всю ярость, все желание жить и весь свой страх. Результат вышел совершенно дикий – вспыхнуло так, что даже через закрытые глаза и плотную ткань пошли круги перед глазами, резко дернуло, снимая с меня всю тяжесть, дыхнуло паленым и сразу – запахом прошедшей грозы. Секунду царила тишина, тут же сменившаяся детским ором и плачем. Застучали по коридору шаги дежурной нянечки, вспыхнули плафоны над головой, освещая место побоища, в центре которого была моя, изрядно сдвинутая кровать, по обе стороны от которой размазывали слезы от дикой обиды «поборники справедливости». Да и не только от обиды – кого-то кинуло на рамы рядом стоящих кроватей, кто-то ушиб локти при падении и неудачно стукнулся головой. Заквохтала нянечка, рассаживая детей по кроватям, появилась из аптечки зеленка и вата, а я так и продолжал сжимать в руках пропаленный, с темными разводами в нескольких местах, плед, которым меня чуть не задушили. Мыслей не было совершенно – выбило яркой вспышкой, от которой все еще мелькали овалы, стоило резко двинуть головой.

Следующий ор подняла уже сама няня, углядев на руках «невинных жертв» светло-серебристые сеточки узора, протянувшегося от пальцев до плеча. Затеяливый рисунок – будто молния застыла, и он ни в какую не хотел отмываться... В животе похолодело, я подобрал ноги и поглубже закутался в одеяло и плед, стараясь защититься от злого,

тяжелого взгляда, подаренного мне хозяйкой этажа. Та побуравила меня с полминуты, отмахнулась от оставшихся не замазанных зеленым детей и ушла вглубь этажа. Как оказалось – отправилась вызванивать начальство.

В комнате все более-менее успокоилось, сдвигались на место кровати, шуршали одеяла – сон не шел после такого, вот и ворочались. Для разговоров было слишком много страха, а вместо угроз вполне хватало тяжелого, обиженного дыхания и быстрых, слегка испуганных взглядов. Я встал, чтобы поправить сбившуюся простыню и выровнять кровать, да так и застыл, с тоской изучая черные пропалины в паркете пола – там, где стояли металлические ножки кровати. Вот за это мне точно влетит.

Ночь выдалась длинной. Голос директрисы вновь выдернул меня из сна – незаметно для себя я умудрился заснуть, привалившись к изголовью. По ее приказу, как был – в тапочках и пижаме, прижимая к себе одеяло и плед, – долгое время стоял в коридоре, пока няня и директор ходили кругами вокруг моей кровати, рассматривая опалины на полу, изучали странные узоры на руках других детей и строгим голосом опрашивали о случившемся. Затем последовал долгий путь по пустым коридорам, подъем на второй этаж, свет фонаря, переход в восточное крыло и вновь ожидание – на этот раз возле приоткрытой двери директорского кабинета. Дверь поначалу закрыли плотно, но тут уже я перепугался – непроглядная темнота неосвещенного коридора давила и ужасала до такой степени, что я замолотил руками и ногами, требуя меня впустить.

Меня не интересовал разговор внутри кабинета, я почти не прислушивался, кутаясь в одеяло и стойко борясь со сном, но кое-что долетало и невольно запоминалось. Меня почему-то нельзя было оставить в старой комнате, и для меня надо найти новое место. Но... у взрослых, как оказалось, тоже множество страхов и запретов. Нельзя переставить мою кровать к старшей группе – «Он там всех поубивает!». Интересно, кто такой страшный «Он»? Нельзя разместить в библиотеке – «Вера Сергеевна расскажет мужу!». В коридоре – «Там холодно». В медпункте – «Нельзя прерывать тренировки!». Или даже тут, в кабинете директора – «Ты смеешься? У меня посетители, мне как работать?!». Брать к себе домой нянечка также отказалась – несомненно, к счастью. Постепенно, перебирая помещения и имена, взрослые остановились на комнате сторожа и неожиданно замолчали. Вся сонная дымка мгновенно исчезла, сменившись ощущением ледяного крошева по спине. Только не туда!

Сторож – страшный человек. Это вам любой скажет. А еще у него шрам через все лицо, вместо ноги – костыль и одна рука к телу привязана! А еще он злобный, камни кидает так, что ровнехонько между лопаток залетает, ни сбежать, ни укрыться! Еще говорят, что он детей ест. И кошек. И собак. Вот к такому человеку меня вели. Вернее, я изображал шаг, буксируемый нянечкой по коридору – то есть вяло перебирал ногами, пока мое тело волокли к неминуемой гибели.

Логово людоеда выглядело уютно – наверное, еще и оттого, что самого хозяина не было, а в воздухе плыл аромат мятного чая. Обычная обстановка: две кровати с примкнутыми тумбами вдоль стен и стол возле окна. Точно такая же, как в медблоке. На столе парила дымком двухлитровая банка с заваркой, укрытая белой крышкой. Лежала развернутая газета с фотографиями незнакомых, красивых людей. На подоконнике сиротливо ютился кипятильник, обмотанный шнуром вдоль и пополам. Больше взгляду не за что было цепляться. Даже по виду кроватей не определить, какая принадлежит сторожу, – одинаково убраны, с аккуратно взбитыми подушками.

– Устраивайся там, – приказала няня, кивнув в сторону дальней от двери постели.

Сказку про Машеньку и медведей нам уже читали, так что я постарался совершить как можно меньше повреждений, устроившись на самом краю кровати, да еще завернулся тем, что принес с собой. Няня только головой покачала и бухнулась прямо на взбитую подушку. Ну и ладно, если что – ее он съест первой.

К приходу главного медведя зубы уже выстукивали нестройный ритм – во-первых, страшно, во-вторых, стена холодная и я изрядно замерз, а пошевелиться еще страшнее.

Неслышно распахнулась створка, впуская главный кошмар окрестных земель – широченного, высоченного, с мордой жуткой и черной тростью в руке, он оскалился в тридцать два здоровенных клыка и прогудел низким голосом, сотрясая стены и пол. Или это я дрожал?

– Машка, опаздываешь, – укоризненно покачал головой сторож, потянувшись здоровой рукой к пряжке пояса.

«Бить будет!» – пронеслось в голове, сам я дернулся, невольно скрипнув пружиной.

Рука сторожа остановилась.

– Это кто? – подозрительно глянул он на меня своими жуткими глазищами.

– Это Максим. Главная приказала разместить у тебя, на время, – встала ему навстречу няня, храбро удерживая монстра за плечи.

– С какой это стати? – В голосе не слышалось ни нотки добродушия.

– Дерется сильно, буйный. Если разозлить, – тут же поправилась, поймав недобрый взгляд. – Нельзя ему оставаться в палате – еще покалечит кого или самого задушат. К старшим, сам понимаешь, тоже никак...

– А мне-то он зачем? – грубо оборвал ее сторож.

– Денег прибавят, за присмотр. Тем более ты ночью все равно не спишь.

Мне показалось или она погладила его по плечу?

– Тебе теперь где «не спать»? – прижал он ее к себе – ненадолго, руку тут же скинули и отшатнулись в сторону.

– Коль, не при ребенке же! Найдем. В спортзале, на матах мягеньких. Придешь? – вильнула она своими телесами, умудрившись потереться о страшилую бедром.

– Дай хоть познакомлюсь с постояльцем, – хекнул тот довольно, выпроваживая няню из комнаты.

– Жду! – мурлыкнуло из коридора.

А я и не знал, что у нее может быть такой голос – отличный от скрежета несмазанных дверных петель или вопля кота, которому наступили на хвост. Мы, помню, как-то специально ловили и проверяли...

– Дрался, говорят? – выдернул из размышлений сторож, уже разместившийся на кровати напротив, поближе к столу. Трость небрежно лежала по правую его руку – мне никак не добраться.

Я замотал головой.

– Били меня, – буркнул, глядя исподлобья.

– Много их было? – Мужик аккуратно перелил чай из емкости в миниатюрную чашечку, словно по волшебству выуженную из-под столешницы.

– Не знаю, не видел.

Тот поставил рядом вторую и вопросительно посмотрел на меня.

– Они голову пледом накрыли и толпой навалились, – выдал я, алчно поглядывая

на расписанную синим орнаментом эмалевую чашку.

– О как, интересно. А дальше? – Тот вместо чая закинул в чашечку три кубика сахара, сильно подняв ставки. – Что-то ты целый слишком.

– Не знаю я, – шмыгнул, не желая обманывать. Да я и сам толком не понимал, что случилось. – Их ударило чем-то.

– Да ну? – Сторож выцепил один кубик из моей кружки и кинул в свою.

– Честно! – воскликнул я, не желая терять сладость. – Оно само вышло, мне дышать не давали.

– То есть? – Острый взгляд серых, выцветших глаз вцепился в меня, не давая дышать.

– Сверкнуло и дым пошел, а потом – как после грозы. А ребят отбросило. И черные следы на полу. И плед дымится, – тяжело сглотнул я, сжавшись еще сильнее.

– Плед – тот самый? – указал он пальцем на серо-черный лоскуток, выбивавшейся из моего пододеяльника.

Я торопливо кивнул и быстро сдернул его с себя, стоило ему показать характерный жест.

Грубые пальцы перебирали прожженную ткань, цеплялись за мелкие отметины, перетирали их меж собой. Сторож оглядывал дырочки на просвет, внимательно прихихивался и даже попробовал на язык. После чего плед, к моему сожалению, отправился в угол комнаты. Уж лучше бы вернул – холодно.

– Семь лет, надо же. Это ж как ты их убить-то хотел? – глубокомысленно произнес он, наклоняя банку с чаем над второй чашкой.

– Я не хотел! – возмутился я от всей души.

Сторож замер, налив совсем чуть-чуть.

– Не хотел я никого убивать! – вспыхнул я негодованием. – Страшно было и дышать хотелось. Вот и... Само оно, – буркнул, сдуваясь.

– Не хотел убить и даже без ненависти... – уже констатируя, кивнул своим мыслям и еле слышно добавил: – Сильная кровь.

Чай наконец достиг кромки, вызвав чувство сухости во рту – будто кругов двадцать пробежал в летнюю жару. А потом... потом этот гад опрокинул в себя содержимое обеих чашек и с невероятным удовольствием наблюдал, как вытягивалось мое лицо.

– Это для бодрости варево, тебе ни к чему, – проковыляв к двери, криво ухмыльнулся он. – Устраивайся, малой.

# Глава 2

## Судьба по соседству

Дверь неслышно хлопнула, разделяя два поколения. Тридцать лет разницы между молодым юношей, полным надежд и энергии, и увечным стариком, который тоже когда-то верил в свою счастливую звезду и совсем не представлял себя никому не нужным калекой, сторожем на мизерном окладе. Тем не менее жизнь распорядилась именно так.

Николай Иванович Росков не родился инвалидом, наоборот – в семье мещан с восторгом и замиранием сердца выслушивали чуть поддатого (как за такое не выпить!) и благостно улыбающегося фельдшера, десятый раз повторявшего счастливой родне: «Ваш сын абсолютно здоров... и он одаренный». Отец, поговаривают, был рад чуть меньше, глушил водку и искоса поглядывал на супружницу – дар чаще всего передавался по наследству, а сам он и все его предки таковым похвастать не могли, так же как и у второй половинки. Дошло бы и до мордобоя, но тут прабабка проскрипела, что ее дед служил у князя Новгорода, и не абы кем, а дружинником. А это значит – ранг «витязь», не меньше. Могло и проклюнуться через поколения.

Не был Коля и дураком – оценки не ниже «хорошо», внимательность, отличная память открыла бы ему дорогу в любой университет. Тем более что одаренных брали куда охотнее, делая поблажки во время вступительных экзаменов.

Но кипела в крови жажда приключений, кружило голову внимание окружающих, грели душу восторженные ахи, стоило «потянуться» за родной стихией ветра и слегка похулиганить. Что-то било в грудь, требуя действий, подвигов и новых горизонтов. Николай не мог сидеть спокойно за партой, впитывая знания.

Так что восемнадцатилетие он встретил у вербовочного пункта отряда «Древичи» – самого крупного и известного в Верхнем Новгороде. Слегка пьяный, полный куража, Николай чуть ли не приплясывал, ожидая, пока ему откроет дежурный. Пункт работал круглосуточно, зазывая к себе всех, кто хотел новой жизни или бежал от старой. Главное – дар и отсутствие кровной вражды за спиной. В общем, Коля подходил – о чем ему сообщили, забрав паспорт вместе с подписанным не глядя договором.

Учебка, тренировки, отработка совместных действий, немного математики, химии, физики, десантирование за Полярный круг, посвящение. Десяток операций – для начала в периметре охранения, затем – непосредственно. Первые трупы от собственной руки, шок, таблетки из металлического пенала, адреналин, кураж. Неделя пьяного загула – и все вновь повторяется. Лычки младшего лейтенанта, собственная боевая тройка. Перелеты по всему миру, которые уже не приносят удовольствия, потому что стали работой. Пятнадцать лет выслуги, по шесть-восемь операций в год, новые погоны и пять троек подчинения, солидный счет и мысли уйти в отставку.

А затем – новый вылет, тупиковая улица в железобетонных джунглях Токио и неестественно серьезный паренек в строгом черном костюме возле глухой стены, с алым гербом школы напротив сердца. И пули из шести стволов, которые никак не могли проложить дорожку к вроде бы неподвижному телу. Зло загудел ветер, сжимаясь в хлыст под давлением воли Николая, вспыхнул рожденный даром огонь меж рук его зама Семенцова, дрогнула земля, перекрывая своим стоном близкий гул машин – отряд вовсе

не растерялся, уже не в первый раз им доставалась сложная цель, совсем не желающая приблизить выплату призовых. Они попали, все трое – не столь сложно бить по так и не сошедшей с места фигурке. Чистая физика – давление, идеальная среда для горения, каменные стены горнила – все для того, чтобы три стихии, соединившись, ударили на порядок сильнее, чем поодиночке. Отработанная связка, обкатанная не единожды, на этот раз не повредила даже форму на плечах пижона, что так и стоял, рассматривая своих палачей, с непроницаемым восточным ликом. А потом последовал ответ, вычеркнувший из списка живых две трети отряда, превративший Николая в калеку... Ранг «учитель» – это примерно танковый взвод. Танковый взвод, отработавший по узкому тупичку меж двух складов, в который, как оказалось, не они загнали цель, а она привела их за собой.

Очнулся Николай в тюремной больнице – почему-то их не стали добивать на месте, не увезли в родовые пыточные. Просто оставили умирать в каменном крошечке, под завалом из булыжников и арматуры. Новость подарила надежду – «Древичи» своих не бросали, а значит, скоро их должны были вытащить, перевезти на родину, обеспечить целителей и протезирование. Страшно жалко было ноги и очень тревожила непослушная рука, но были бы деньги – и это тоже можно было решить.

От них отказались. Какая-то большая политика, связанная со сближением двух империй. Не было «Древичей» в Японии, не было отряда Николая Роскова, а были бандиты, допустившие разбойное нападение на аристократа из Великого рода. Наказание – гнить до смерти в сыром карцере местной тюрьмы, приговор вынесен и приведен в исполнение. Год в заточении поставил крест на восстановлении ноги, полностью отказала левая рука. Добавился надсадный кашель и отек на ноге здоровой. Забавно, но новая болезнь его спасла. По неведомому перекоосу в мозгах местных, они старательно лечили даже таких приговоренных, как он, чтобы вновь закинуть в камеру и продлить агонию. В санблоке удалось зацепиться языками с санитаром-индусом. Английский, приправленный языком больших денег, помог сблизиться и наладить отношения, а ключ-пароль от одного из анонимных счетов и вовсе сделал их близкими друзьями – достаточно близкими, чтобы направить письмо от Николая курьером в далекий Верхний Новгород.

Николай заказал «Древичам» собственное спасение – комплекс мер с эвакуацией из режимного заведения в количестве одной персоны и перевозкой домой. В письме очень рекомендовалось дать ему солидную скидку, но не было ни единой угрозы и бранного слова. Скидку дали.

Тем не менее операция обошлась в большую часть отложенных на пенсию средств, остаток же их ушел на лечение – да и то не хватило. Из частной клиники выходил калека с перекрученной энергосистемой тела, не способный ныне ни на что более, чем сметать порывом ветра листья и снег. Так появился в интернате дворник и сторож в одном лице. Тут кормили, была постель (своего жилья не было, а квартиру родителей занял младший брат с семьей), не спрашивали о прошлом и предпочитали не замечать те дни, когда Коля нажирался водкой в хлам, пытаясь заглушить страшную боль во всем теле, приходившую с каждой резкой сменой погоды. В другом месте давным-давно бы вышвырнули... А тут была даже женщина... на которую он бы раньше и не посмотрел. Сейчас планка изрядно упала, на самое дно, как и вся его жизнь, – так что рад был и такой. Жизнь встала в размеренную колею и неторопливо покатила, съедая день за днем. До сегодняшнего дня.

Сердце лихорадило, отдавая частым пульсом в виски, ладонь правой руки покрылась потом – оттирай не оттирай о джинсы, все без толку. И даже в онемевшей руке будто бы



постреливало огненными искрами от напряжения. Последний раз с ним такое было давным-давно, когда цель, пьяная до изумления, решила выползти из-под брони танка и отлить у недалних кустиков. И Николай, тогда еще всего неделю как «дружинник», торопливо выставлял рамку прицеливания, чтобы не упустить свой Шанс.

Сейчас торопиться было некуда, но как объяснить это разошедшемуся воображению, подгоняющему тело идти еще быстрее? Сложно оставаться спокойным, когда тот самый Шанс с большой буквы, что нынче выглядит до крайности обиженным ребенком, сам приходит к тебе – вот так вот буднично, занимая соседнюю койку.

Вообще, сторож хотел банально избить пацана, сразу поставив на место и обозначив старшинство. С местными иначе нельзя, они только кажутся невинными ягнятами, а на самом деле то еще зверье. Отвернешься – украдут, поверишь – обманут, привяжешься – сядут на шею. Даже если новый постоялец не из таких, это ничего не меняет. Его просто заставят воровать старшие. Решение только одно – мелкий должен был бояться его больше, чем кого-то другого. А вот как оно вышло-то...

Все дело в том, *как* парень расправился с обидчиками, а именно в тех мелких деталях, вряд ли известных кому-то, кто не входил в небольшое число одаренных. Один одаренный на десять тысяч – невольно образуется сообщество, выпускать информацию из пределов которого строго не рекомендуется. А если вспомнить, какой мизерный процент из них принадлежит к верховной аристократии и как берегут они свои тайны... В общем, Николай тоже знал далеко не все, но кое в чем не сомневался.

У аристократических родов, насчитывающих более полутысячи лет, может появиться родовая способность – совершенно случайная: боевая или защитная, мирная или созданная убивать. Способность просто по праву крови, ее не надо изучать – будто бы характерная черта, вроде волевого подбородка, только на энергетическом уровне. Изначально умение слабое, на уровне «подмастерья». Однако с каждым поколением сила его растет, если оба родителя нового носителя из числа одаренных, и угасает (или может пропасть вовсе), если кто-то из супругов не владеет даром. За тысячелетия грамотного династического отбора способность эволюционирует в настоящий ужас для врагов, оружие ранга «мастер» или «виртуоз», в настоящий козырь, извлечь из рукава который может кто угодно в семье, вне зависимости от боевого ранга, пола и возраста. Об этом не принято говорить, и уж тем более никто не одобрит разговоров о принадлежности умения тому или иному роду. Только сами аристократы, из числа высших, следят за Силой Крови, выпалывая любые упоминания о них в газетах и книгах, на радио и по телевидению. Эта тема – табу для обсуждения.

Потому две клуши – директриса и Машка – вряд ли сообразили, *что* они видели. То, что парень одаренный, – знали несомненно, а вот что это не простой пацан, мамка которого согрешила с аристо и сдала в детдом плод короткой страсти, – понимать не могли.

И уж тем более не знали, что ключом к Силе Крови являются чистые эмоции. Чем сильнее любовь, любопытство, ярость, ненависть – тем сильнее раскручивается в теле спящая мощь поколений. А ведь парень – Максим, кажется? – так вот, парень своих обидчиков даже не ненавидел – злился, да... Значит, ударил крупницей силы – из океана, которым его наградила целая прорва благородных поколений за спиной.

Как же так получилось, что аристо оказался в интернате? Да в общем-то невелика тайна. В период родовых войн всех новорожденных принудительно оформляют под чужими именами и фамилиями, вписывая в графу «родители» отказ от материнства. Все для того, чтобы палачи противоположной стороны не убили младенца.

Государственные клиники находятся под протекторатом императора, но они – совсем не крепость, и не стоят у дверей «мастера» и «виртуозы». А тех, кто нападет, еще требовалось поймать и обвинить... Жестоко, грязно – разумеется. Но если представить, что вот такая прелесть вырастет, направляемая ненавистью к убийцам родителей, и в один солнечный день накроет Огненным Штормом Родовой Силы имение своих обидчиков, со всеми, кто в нем находится, в том числе и детьми... Тут-то и задумаешься, выбирая – одна невинная чужая жизнь сейчас или сотни твоих родных, столь же невинных, после.

Потому и переименовывали детишек, указывая неодаренными, не записывали в журнал матерей – все для того, чтобы дать шанс выжить, убрать из огня войны.

Родная мать, разумеется, знает имя своего ребенка и легко найдет его потом, когда угроза жизни малышу пройдет, вот только... иногда тайна уходит вместе с матерью. И появляется такой вот круглый сирота – Максим. Никому не нужный ребенок, судьба которого – раз проснулся дар – украсить своей персоной вооруженные силы императора, отрабатывая потраченные на его содержание деньги... Если только добрый-добрый дядя Коля не устроит ему воссоединение с родней гораздо раньше – разумеется, за огромное вознаграждение. Почему-то Николай не сомневался, что у рода с такой Силой Крови вознаграждение будет именно огромным.

Коля отер рукавом лоб и отдышался перед очередной лестницей, на этот раз – на третий этаж, туда, где был архив с картотекой дел воспитанников. А Машка потерпит, никуда не денется...

Перед сторожем нет закрытых дверей – и связка с ключами на поясе тому лучшее подтверждение. Аккуратно провернулась личинка замка, затрепетали разогревающиеся прямоугольники ламп, освещая десяток поставленных поперек длинной комнаты стеллажей. Николаю не нужна была фамилия паренька – много ли Максимов на потоке? Примерный год рождения он прикинул, так что задача отыскать личное дело его Шанса и найти в нем группу крови и номер родильного отделения представлялось не такой и сложной задачей. А дальше – наведаться туда, порасспросить: может, искал кто мальчугана. С чего-то нужно было начинать, какие-то данные иметь на руках, чтобы действовать самому или просить об услуге старых знакомых.

Стойка с годоводками нашлась довольно быстро. Только вот не было среди поименованных картонных папок ни одной с именем Максим.

– Может, с годом не угадал? – буркнул Коля, почесав переносицу.

В соседней стойке Максимы действительно были, только им уже стукнуло по двенадцать, да и выглядели они – на черно-белых фото «три на четыре», прицепленных к делу, – совсем не так, как его сосед.

Ничего страшного, есть общие журналы, есть журналы выделения довольствия и постельного белья, есть прививки, наконец! Николай полностью погрузился в поиски.

Через полтора часа он привел картотеку в прежний вид, выключил свет, неспешно закрыл дверь и только потом позволил себе крепкое слово и удар по стене открытой ладонью да так и замер, опираясь рукой. Не было Максимки. Будто не существовал никогда.

Тем не менее в его комнате сидел означенный паренек. Он жил тут, учился, спал, дрался. Значит, информацию просто изъяли – поделилось подсознание ответом.

Несложно определить, кто это сделал, – власти на такое хватило бы только директору, по его приказу, с его участием. Гораздо сложнее – зачем? Сложный вопрос, немного нервный, как и в любом другом случае, когда кто-то, пусть и не зная того, лезет в твои планы.

Николаю парень был нужен, чтобы отдать родне и получить свою награду. Для этого не нужно прятать документы, скрывать и заниматься подлогом. Воссоединение с семьей – что может быть законнее и проще? Капелька крови, анализ ДНК, адвокат в хорошем костюме – и государство легко откажется от иждивенца.

Директрисе нужен был... одаренный? Не учтенный государством, проشمыгнувший из-за особенностей рождения мимо отлаженного механизма определения дара...

«Нет, не вяжется, – качнул головой Коля. – Его проще легально усыновить, как обычного ребенка без дара. Новых родителей будет обожать, получится ручное оружие, которое потом легко можно продать».

Брунда получалась: как бы ни прикидывал – не находил причины досрочного изъятия целого человека из списка живых. Все было гораздо проще решить парой-тройкой липовых справок, подписью и оттиском печати.

А ведь у директора должны быть сообщники. Такое в одиночку никак не скрыть, кто-то должен присматривать и отгораживать паренька от лишних расспросов. Машка, например.

Имя встроилось в общую систему идеально, тут же понизив градус настроения на пару пунктов. Вспомнились иные постельные разговоры, в которых разомлевшая подруга рисовала картины совместной жизни. Николай угукал и отмалчивался, но в общем-то был не против – кому он такой еще будет нужен? Выходило, что для кое-каких дел их отношения были недостаточно близкими. Или Машку запугали.

Покрутившись на лестничной площадке, маясь тяжелыми мыслями, которые два часа назад и представить не мог, Николай сделал следующий шаг. Вернее, спустился на пролет вниз и уверенно шагнул в темноту коридора, по памяти следуя к кабинету директора. Бывал он там частенько, не по служебным делам, а в приятной женской компании – Машке почему-то нравилось делать это на столе начальницы, а Николаю в общем-то было наплевать.

Нужный ключик нашелся почти сразу – так как отличался от остальных основательностью и рельефом. Что совсем не помешало открыть дверь за секунду, нащупать выключатель и напряженно всмотреться в знакомую обстановку с Т-образным столом для совещаний, во главе которого находилось массивное рабочее место директрисы, с кожаным креслом под портретами здравствующего императора и князя Верхнего Новгорода. Занавешенные окна скрывали улицу от Николая и Николая от улицы, левую стену занимали два серванта, разделенные напольными часами. Изношенный паркет успешно скрывал красно-черный ковер. Будто не интернат, а кабинет чиновника. Зато характер сразу читается, вместе с амбициями. Такая вполне могла пойти на подлог.

Николая привела сюда скорее интуиция, чем доводы логики – та с негодованием отнеслась к мысли, что украденное личное дело можно прятать вот так нагло, а интуиция просила не торопиться с оценкой разумности некой особы.

«Не домой же ей нести такие бумаги?» – пронеслась робкая мысль.

«В анонимную сейфовую ячейку положить, раз сжечь нельзя!» – по-армейски гаркнуло в ответ.

Тем не менее Николай все же решил проверить. Снял обувь у входа – грязная, еще наследит на ковре – и неспешно подошел к княжескому портрету. Именно за холстом с мудрым ликом Ярослава Семеновича хозяйка кабинета оборудовала себе небольшой сейф в личное пользование. Машка как-то хвастала – а он запомнил, отметив заодно странную информированность подруги.

Массивная, окрашенная под позолоту рама с портретом переместилась на пол, открывая

доступ к белому прямоугольнику двери с механической ручкой-«бабочкой» и отверстием под ключ. От сердца слегка отлегло – была бы хитрая электроника или вензель Демидовых в уголке дверцы, то проще было бы уйти, убедив себя, что не могла быть начальница такой душой... А так – ухмыльнулся Коля – посмотрим, на что он еще способен.

Взлом сейфов – вообще не его профиль, но это даже сейфом было сложно назвать. Так, пародия в расчете на случайных воришек, а скорее – деталь интерьера, чтобы дополнить образ большого босса. Всего дел – прикинуть расположение подпружиненной детали, которой блокируется засов замка от перемещения, и «надавить» на него стихией, даже покореженного дара на такое хватит. Щелк – и тяжелая, вроде бы надежная дверь легко распаивается к полному его удовольствию.

Дохнуло приторным запахом духов из открытого флакона у самой дверцы. Николай аж отшатнулся – еще не хватало, чтобы Машка унюхала, – и, подцепив двумя пальцами флакон, вытянутой рукой отставил его на дальний край стола. На обратном пути прихватил стул – проще рассмотреть содержимое сейфа сверху, не прикасаясь к нему.

Внутри – бумаги, сцепленные скрепками, уложенные в цветной пластик файлов, аккуратно сложенные стопкой. У левого края несколько миниатюрных кассет и черный корпус диктофона – все в прозрачном файле. Две пухлых пачки с алыми банкнотами у задней стенки, укрытые еженедельником от случайного взгляда.

А на самом дне сейфа, под другими бумагами, проглядывал серый картон личного дела – точно такой же, как у сотен папок в архиве.

Еще десяток минут Николай внимательно рассматривал содержимое, впечатывая в память расположение каждого листочка, каждого изгиба пластика – после его ухода все должно выглядеть абсолютно так же. Мысль, что он уже перешел ту грань, что отделяла простое любопытство от взлома с проникновением, вынуждала действовать максимально аккуратно. Визит в кабинет еще можно было как-то объяснить – мол, услышал шум, звон стекла, решил проверить... а вот насчет сейфа придется объяснять уже прокурору. Потому он и стоял, то закрывая глаза, чтобы восстановить содержимое по памяти до последней детали, то открывая вновь, сверяя запомненное с реальностью. Когда Николай уверился, что запомнил все точно, рукой аккуратно поддел за самый низ, чтобы протиснуть под основание горки бумаг ладонь, и медленно перенес все на стол. Далее – разложить все послойно, «размазав» содержимое по плоскости стола. И последним аккордом – скинуть с себя кофту, подоткнуть ею низ двери, чтобы свет не пробивался в коридор, и закрыть дверь на ключ.

Чтение получилось... занимательным. Настолько, что Николай, еще не просмотрев и трети бумаг, начал беззвучно повторять: «Сволочи. Какие же они сволочи».

Информация никак не укладывалась в голове. Они же женщины! Даже дикие звери жалеют младенцев, а эти... сложно слово подобрать. Николай никак не мог назвать себя «чистеньким», но в такую откровенную грязь ни он, ни его отряд в жизни не лезли.

Если убрать эмоции... с-суки, какие они все же с-суки... Так вот, если все-таки убрать эмоции... Есть у одаренных логичная в общем-то особенность – тело под влиянием дара изменяется, привыкая пропускать через себя энергию, усиливается для восприятия нагрузок. Характер изменений индивидуален, как рисунок радужки или отпечаток пальца, влияет на него все: возраст, стаж, стихия, частота практик, наследственность, любимые заклинания и еще сотня других причин. Дар рисует внутри тела уникальную картину энергетических линий и их взаимодействия – поэтому, потеряв ногу, Николай практически утратил

над стихией контроль. Теперь представьте, что в результате травмы, болезни или старости какой-то орган выходит из строя – одаренные не бессмертны и подвержены болезням, хоть и в куда меньшей степени, чем обычные люди. Можно обратиться к Целителям – они помогут, но тоже далеко не всемогущи. Иногда нет другого выбора, кроме трансплантации органа.

И вот в тело одаренного, в его энергетическую структуру, в картину дара, вставляют осколок чужого тела. Если это орган другого одаренного – эффект будет похлеще забитого в зеркало гвоздя. Разве что сын поделится с отцом почкой или частью кожи, но только при условии, что они практиковали одинаковую стихию... и далее по списку. Без гарантий. Поэтому трансплантируют от обычных людей. В отлаженном механизме появляется крайне хрупкая деталь, сродни глиняной шестеренке в чугунном механизме паровоза. Чуть напряжешься – и разлетится в клочья, обрывая жизнь хозяина. Прирабатывать новую деталь придется очень долго, и чем больше возраст, тем капризнее дар относится к поврежденному полотну тела.

Но давайте представим невозможную ситуацию – хорошо развитого, спортивного, абсолютно здорового одаренного, который к четырнадцати годам так толком и не коснулся своего дара. Его тело пронизано энергией, но из-за отсутствия практик вместо картины дара – чистый холст. Вырежь и латай любое старое полотно – рисунок на нем восстановится сам... и никаких ограничений на пользование даром.

Невозможная ситуация, совершенно. Во-первых, парень должен пройти мимо проверки на дар при рождении, при поступлении в детский сад, в школу и далее – на школьных медосмотрах. Во-вторых, соблюдать диету, заниматься спортом, быть достаточно интеллектуально и духовно развитым. В-третьих, не пользоваться силой, не тренироваться, не осознавать себя одаренным вовсе – иначе ведь сам потянется к стихии, не удержится. Невозможно, тем более при соотношении одаренных один к десяти тысячам.... Невозможно, особенно с учетом пристального внимания СИБ... Или очень, очень дорого. Какие же они все-таки сволочи, Максимка...

Николай в свое время очень плотно интересовался этой темой – сам ведь калека, но даже его воротило от мысли убийства ребенка ради обретения ноги или руки. Это надо быть совершенно повернутым головой, пресыщенным властью и беззаконием, чтобы равнодушно ждать, пока для тебя вырастят новое сердце, печень, почки. Эхом пронеслась мысль – куда же он вляпался?..

Куда более спокойно он прослушал записи на миниатюрных кассетах – диктофон показывал почти полный заряд, так что Николай понадеялся, что хозяйка спишет отсутствие одного деления батареи на саморазряд... если вообще заметит. Говорила только Машка, прямым текстом выдавая планы в ответ на вроде бы безобидные вопросы своей начальницы. Если послушать, то представлялось, будто единственным и главным организатором всего была именно дородная нянька. Директриса явно подстраховывалась, ступая по скользкой дорожке. Правда, ей эти записи вообще не помогут: стоит вылезти краешку правды – убьют всех. Причастных, не причастных, его – Николая, выжгут весь интернат. Заказчик не даст СИБ и шанса на зацепку. Потому что есть такие преступления, что не поможет ни титул, ни деньги, ни старые заслуги, ни собственная армия – такую гниду придут убивать все.

А диктофон продолжал петь тонким голоском еще вчера близкой женщины... И было там даже о нем самом – краешком, когда Мария обсуждала, как потратит целое озеро денег. В планах калеки не оказалось, а когда начальница напомнила о стороже... От ответа

в сердце кольнуло, виски налились тяжестью, как при смене погоды. Николай даже не ожидал, что это может быть так больно.

За окном алел рассвет, мягко намекая, что посиделки над бумагами надо бы сворачивать. Коля вернул все на место, тщательно воссоздав первоначальный облик, поднял с пола кофту, надел обувь и покинул кабинет, мрачно рассуждая: что же ему делать дальше?

Взять все и понести в ближайшее отделение? Допустим самый идеальный вариант – что его не убьют сразу, дело получит ход, виновных колесуют. Что дальше? А дальше его найдут родственники казненного – что-то вроде троюродных племянников, которых нельзя будет прицепить к делу – и устроят очень долгую и очень мучительную смерть. Справедливость и ее отсутствие тут ни при чем, традиции такие. Нельзя простолюдину быть причиной смерти аристократа и остаться при этом в живых.

В долю к бабенкам он не пойдет – крохи души еще не выгорели, чтобы опуститься так низко. Да и не возьмут его в долю – убить дешевле.

Вывалить информацию журналистам, скинув конверт без указания отправителя? Интернат сторит в тот же день.

Так и доковылял до своей комнаты, перекатывая невеселые мысли. А потом посмотрел на спящего паренька, зарывшегося под три одеяла, – и все вновь стало на свои места. У него ведь есть план? Найти родичей мальчика, огрести кучу денег и жить как князь! Так чем же это плохо? А насчет планов больших людей... Коля азартно улыбнулся и подвигал правым плечом, разминая, – вряд ли парень откажется от уроков стихии ветра. А если откажется – получит по шее. Старые методы – надежные методы, это вам любой из «Древичей» подтвердит.

Пройдет время, и парень получит свой рисунок силы. А дальше – как повезет. Если все сложится плохо, хотя бы заберет с собой в могилу заказчика. А родня мертвеца за такую подставу уничтожит исполнителей. Это тоже дорогого стоит...

# Глава 3

## Тайны подкроватья

– Ты весь сахар сожрал? – скорее утвердительно произнесли сверху.

– Н-нет, – выпалил я в ответ, одновременно переживая легкий стыд и сильную радость – меня все-таки не съели ночью.

– А тогда кто? – ухмыльнулась рожа со шрамом, продолжая нависать над постелью.

– Та-тараканы?

Я зажмурился в ожидании оплеухи.

– Вставай, главный таракан, – даже с некоторой теплотой отозвался мужик. – Считай, свой сахар за следующую неделю ты съел.

Настроение скакнуло в сторону легкой грусти, ведь каждый знает – новый сахар всегда слаще съеденного.

– Угощайся, – кивнул он в сторону стола с парящими дымком чашечками.

Даже вставать не надо – пересесть поближе к окну и уже оказываешься за столом. Я обнял чашку ладонями и с подозрением посмотрел на сторожа, не торопясь пить. Сказку про Спящую царевну нам тоже читали. Тут, правда, не яблоко, но даритель тоже очень подозрительный.

– Давай знакомиться, наверное. – Сторож в два глотка опустошил свою порцию и отставил пустую посуду в сторону. – Дядя Коля.

– Ваня.

Сбегу – не поймает.

– Какой еще Ваня? – возмутились в ответ.

– И-иванов? – робко предположил я.

Сторож уперся в меня взглядом и сделал страшную физиономию.

– П-петров?

– Вот что, Максим, не крути мне нервы.

Я резко замотал головой и даже чашку отложил, чтобы вытянуть руки ладошками вперед – пусть видит, что ничего я не кручу.

– Спокойствие, – дядя Коля закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Тебя зовут Максим. Так? Не отвечай! Кивни. Вот. Максим, давай дружить?

Вам когда-нибудь предлагал дружбу ужасный монстр-людоед?

– Ня-ня-а-а!

– Тихо! Молчи! Да заткнись ты! – гаркнул он так, что в ушах зазвенело.

Я замолчал, но с подозрением поглядывал в его сторону, готовый заорать вновь.

– Нам ведь рядом жить... – замялся он на середине фразы, явно заметив мое скептическое выражение лица.

Точно сбегу.

– Упал-отжался! – рявкнул он так резко, что вспомнил я себя только на «делай – шесть!» на кулаках. – Кто мы?!

Я старательно сопел, с тоской поглядывая на дверь.

– Кто мы?! – рявкнуло снова на сотом повторе.

– Л-люди. – Насчет себя я не сомневался, а вот насчет...

– Кто мы? – уже спокойно спросил голос сверху и хлюпнул чаем из кружки.

– Н-не знаю, – отлипнуть от пола давалось с осязательным трудом, счет сбился на середине второй сотни.

– Мы – друзья, – довольно подсказал дядя Коля, ставя ногу на мою спину. – Продолжай. Н-на-афиг таких друзей!

– Кто мы? – заскучав, уточнил сторож через минуту.

– Д-друзья, – признал я поражение.

– Другое дело. Садись за стол, друг.

Я отлип от пола и перетек на кровать.

– Раз мы теперь друзья, вот тебе подарок. – Мозолистая рука передвинула на середину стола грубоватый браслет, сплетенный из трех проволочек. – Это чтобы ты никого не убил.

С удивлением перевел взгляд с браслета на сторожа и обратно. Так я ведь и не собирался никого убивать, зачем мне...

– То, как ты раскидал своих обидчиков, помнишь? – подтолкнул он меня к мысли. – Это твой дар, он тебя защитил. Но он может и убить, потому что ты его не контролируешь. Ты же не хочешь стать убийцей?

Я торопливо закачал головой. В интернат как-то приходили люди из полиции и объясняли, как плохо быть преступником, – собрали весь интернат в спортзале, а нас, самых маленьких, посадили первым рядом. Так что фотографии, которые нам показывали, запомнились надолго.

– Браслет станет очень горячим, если твой дар снова проснется. Дар не может навредить тебе, поэтому угаснет сам, когда металл браслета обожжет тебе кожу.

– Больно?

– Больно, – согласно кивнул дядя Коля, – но это лучше, чем кого-то убить.

С этим сложно было спорить. Я тяжело вздохнул, потянулся было за браслетом, но на середине пути замер, отдернул руку и чуть отодвинулся от стола.

– Что опять? – с еле сдерживаемым раздражением поинтересовался сосед.

– А если на меня опять нападут? – храбро вздернул я голову.

– Есть другие способы наказать обидчиков, – улыбнулся он одним краем губ.

– Я стучать не стану! – насупился я, сложив руки на груди.

– Мелкий, ты чем слушал? – откровенно скалился этот гадкий тип. – У тебя есть дар. И ты можешь сделать вот так. – Он сложил горстью руку и еле заметно толкнул в мою сторону.

В грудь будто ногой пнули, и сразу же лязгнули зубы от удара затылком о стену. Но боли будто бы не было, только изумление – от случившегося, от того, кто это сделал, и еще большее – от его слов.

Люди с даром – это такие супергерои, которые спасают мир и заботятся о нашем городе и стране. То есть вообще не я, и тем более не одноногий кошмар по соседству.

– Я – что? – потирал я затылок, с открытым ртом рассматривая сторожа. – Но... Вы?!

– Когда-то у меня было две ноги и здоровые руки.

– И что случилось? – спросил я, уже иначе смотря на соседа.

– Случилось то же самое, что лишило тебя родителей. Война. Так что мы с тобой в каком-то роде товарищи по несчастью. Понимаешь, о чем я говорю?

Улыбка сама пропала с лица, на глазах сами собой проступили слезы.

– Так что, друг, хочешь уметь так же? – Сторож сделал плавный пасс здоровой рукой,



и металлический браслет сам по себе всплыл над столом – кренясь, сильно подрагивая, он парил по самому настоящему волшебству!

Я закивал так часто, что голова чуть не отвалилась.

– Я научу, но будет одно условие. Никто не должен знать о наших занятиях. Даже директор. Даже няня и твой самый близкий товарищ.

– Но как тогда драться?

– Я же сказал – научу, – подмигнул мне в общем-то не такой и страшный человек. Мой друг!

– А когда? – заерзал я на месте.

– Да хоть сейчас. – Дядя Коля встал, попытался заглянуть под кровать, насколько хватило гибкости, и попробовал что-то выудить тростью, безо всякого успеха. – А ну-ка, малой, метнись на пол.

Слитный хлопок двух ладоней об пол раздался почти сразу – интересно ведь. Раньше старшие говорили, что там труп у него лежит, но я-то теперь точно знаю, что это вранье. Разве что он его по пяти ранцам рассовал – огромным, как у нашего физрука.

– Видишь самую дальнюю сумку?

– Эту какую?

– Которая самая пыльная.

Оценив слой пыли пальцем, я уверенно вцепился в баул зеленого цвета с грязно-желтыми разводами.

– Вижу!

– Тащи на центр комнаты. Ага, молодец, а теперь открой.

– А там точно трупа нет?

– Будешь кривляться – появится.

Прикусив язык зубами, я с предвкушением расстегивал тугой механизм замка, специально сложив края сумки складкой – чтобы потом резко дернуть в разные стороны и ахнуть от всяких магических штук! Вот только внутри даже блестящего ничего не было – какая-то форма цвета песка и массивные ботинки занимали половину всего пространства. Еще там была фуражка, фляга тусклого цвета, одна штука... О, бинокль!

– Ну-ка руки убрал! – возмутились над ухом, подкрепив приказ подзатыльником.

Пришлось отложить с огромной неохотой – я ж даже не взглянул через него.

– Во внутреннем кармане смотри, – направил мои поиски сосед.

Его содержимое оказалось еще скучнее – какие-то листки серой бумаги, маленькие книжки без картинок. Тем удивительнее были слова дяди.

– Вот то, что нужно, – с довольством утянул он находки из моих рук, быстренько просмотрел, пока не остановился на одной из книжиц. – На, читай.

«Ти-раж пятьсот экз.».

– Да переверни ты!

«Ме-то-ди-че-ски-е ука-за-ни-я»... – тщательно выговаривал я, вода пальцем по строчке.

– Стоп! – рядом, как от боли, скривился дядя Коля. – Кто так читает, а? Вас чему там учат?

– Ничему не учат, – удивился я.

– Это как? – пришел его черед удивляться.

– Меня в школу не пустили. Не хожу я туда, – со скрытой обидой пожаловался я сторожу.

– Так, понятно... – помассировал он переносицу, о чем-то напряженно раздумывая. –

А вместо школы что?

– Ничего, – пожал плечами. – Утром спорт, потом кушаю, потом с младшей группой играю, потом кушаю, потом со своими играю, потом кушаю, потом спорт, потом снова кушаю, потом сплю...

– Чтоб я так жил... Понятно. Учебой, значит, тоже займемся.

– Мне дальше читать? – помахал я книжицей.

– Нет. Книжку выучишь до вечера, сам. Книжку никому не показывать.

– А-а?.. – разочарованно протянул я.

– Это проверка, – подмигнул он. – Вдруг ты учиться не способен.

– Это я-то не способен?! – возмутился в ответ. – Да я самый способный в мире!

– Тогда еще вот эту брошюрку выучишь.

– Но я скромный, поэтому не надо, – повернулся я спиной, делая вид, что уже начал учить.

– Как успехи? – поинтересовался через десять минут сторож, куда-то собираясь.

– Тираж пятьсот экз!

– Да переверни ты ее! Вечером приду, книгу не теряй, не показывай. И еще, Максим...

– А? – поднял я на дядьку взгляд.

– На самом деле книга – волшебная, – подмигнул он мне, потрепал напоследок волосы и ушел.

Так бы сразу и сказал! Я с новым интересом уставился на сложенные вместе листочки. Хм, а если ее съесть?

А еще через пять минут явилась няня – забрать на тренировки.

День прошел очень интересно! Я пользовался каждой свободной минутой, чтобы украдкой прочитать новую строчку и зубрить, пока делаю новый подход или пробегаю новый круг – за мной почти не следили, но все-таки пару раз я был очень близок к провалу.

В первый раз меня, усевшегося за куст во время утренней прогулки, заметила няня.

– Что ты там постоянно рассматриваешь? – чуть не подловила она меня.

Еле успел спрятать книжку, запрятав под трико.

– Ничего, – замотал я головой, поправляя складку от книги на штанах.

– Ты с... этим... поосторожнее, не повреди, – как-то странно на меня глядя, произнесла она.

«Да что бы ты понимала в магии, женщина!»

Второй раз пристали старшие на общей прогулке во вторую смену. Подвалили втроем, настороженно посматривая на меня. А еще у них были палки. А у меня – браслет, который не даст моему дару меня защитить. И никаких знаний, которые обещал мне дядя Коля... Хм, а вдруг он знал, что так случится, и не зря дал мне книгу?

– Синхронные энергетические всплески повышают аберрации на два порядка! – прогудел я волшебным голосом, взмахнув руками, как Дед Мороз на утреннике (он ведь тоже волшебник).

– Валим, он псих! – завопил крайний, утягивая за собой остальных.

– М-магия, – довольно протянул я, погладив книжицу в кармане.

В общем, книжку я выучил, и вечером, после полдника, с нетерпением ждал дядьку, чтобы похвастаться.

– Ты зачем страницы погрыз, а? – отреагировал он на протянутую ему бумажку.

Дядька пришел не с пустыми руками, а с целой кипой больших книг в белом пакете.

Наверное, тоже волшебные.

– Я все выучил. – Вопрос я пропустил мимо ушей и демонстративно закрыл себе глаза. –

Спрашивай!

– Серьезно? – неподдельно удивился тот. – В смысле – молодец! Понял что-нибудь?

– Ну... там слова сложные, – неохотно признался, – но я их все равно выучил.

– Тридцать шесть страниц, – листнул он книжку в самый конец. – Силен. Давай тогда с самого начала.

«Методические указания по развитию энергетики для младшего сержантского состава. Город Москва, тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Страница один. Аттестация на уровень «новик». А что такое «методические»?»

– Вам рассказывали сказку про Иванушку и Кощея Бессмертного?

– Ага.

– Вот если бы ему сразу дали методические указания, то в них было бы написано: «Установить маяк на острове с одиноким дубом. Покинуть двухкилометровую зону. Осуществить бомбометание по пеленгу маяка». И все, нет ни дуба, ни сундука, ни утки, ни яйца, ни иглы, ни Кощея.

– Круто! А что такое «маяк», «пеленг» и «бомбометание»?

– Это... Не верти мне нервы, мелкий! «Методические» – значит только то, что нужно делать и знать, чтобы делать.

– И ничего я не верчу, – пробурчал я, глядя на собственные ладони.

– Дальше давай.

«Экзамен на ранг «новик» считается принятым при осознанном контроле экзаменуемого над Силой». А что такое «осознанный»?

– Это значит – человек должен понимать, как, для чего и что он делает. Дальше.

«Для быстрой подготовки рекомендуется посетить комплекс «Государевы фонтаны». Запись по телефону...

– Телефон забудь и не вздумай набирать! – заволновался дядька. – Тем более что никто нас на те фонтаны не пустит.

– Почему? – заерзал я на месте.

– Очередь там – отсюда и до небес.

– Ого, – побуравил я взглядом потолок. – «В полевых условиях рекомендуется концентрированное действие энергии на чувствительный участок кожи». Что такое «концентрированное» и «чувствительный»?

– По заднице ремнем били?

– Ну... Но это не я окно разбил!

– Вот это было концентрированное действие по чувствительному месту, – ухмыльнулся сосед.

– А может... ну его, это обучение? – Ниже пояса ощутимо зачесалось, а сам я с интересом присматривался к входной двери.

– Там все по-другому. Никакого ремня, сам потом увидишь, – отмахнулся сторож. – Просто нужно много этой самой «энергии» в одном месте. На «Государевых фонтанах», например, все наполнено этой энергией, она из-под земли идет. Но, как я сказал, нас туда не пустят. Дальше читай, сразу до конца страницы.

«На первом этапе необходимо почувствовать энергию под руководством инструктора. На втором этапе необходимо оказать воздействие на осязаемый объем. На третьем этапе

в энергетической среде устанавливаются подкрашенные цели. Задачей экзаменуемого является сдвинуть цели по часовой, а далее – против часовой стрелки, не прибегая к механическому воздействию».

– Все ударения переврал, – хмыкнул Коля, откладывая книжку в сторону, – но запомнил все точно.

– А что такое?..

– Сейчас сам все увидишь. Пошли за мной.

Идти никуда и не пришлось – только два шага сделать к самому столу, в центре которого стояла стеклянная банка, наполовину заполненная водой.

Дядя Коля передвинул банку к краю, выудил из-под стола табурет, знаком показав присаживаться поближе, а сам встал рядом.

– Суй руку внутрь. До самого дна, не бойся, там обычная вода, – давал он довольно странные команды. – Так, сейчас не дергайся, немного водой поплескает.

На руку, покрытую водой, дуло холодным ветром – сначала чуть-чуть, а потом все сильнее, заставляя воду идти волнами, переливаться через край, закручиваться воронкой. Через пару секунд поверхность успокоилась, а от того, что было воронкой, осталась лишь тонкая, но длинная – до самого дна – нитка воздуха, от которого кругами расходились такие же маленькие волны. Я даже дыхание затаил, разглядывая. А потом... потом вода начала подниматься вверх, оставляя в самом низу пустоту. Я подвигал пальцами, уже освободившимися от воды, – необычно. А слой воздуха продолжал расти, пока не занял все пространство, где была моя ладонь.

– Здорово! – Я хотел было повернуться назад, где остался дядька, но был остановлен строгим голосом:

– Сиди спокойно, не вертись, руку не доставай. Рядом с твоей ладонью воздух, наполненный моей Силой. Постарайся найти отличия, почувствовать разницу, ощутить эту Силу... но ничего с ней не делай!

– А что будет? – сглотнул я, всматриваясь в пустое вроде бы место.

– Разобьешь банку – точно выпорю.

– Не буду я ничего делать! – пообещал с жаром, продолжая чуть ли не носом лезть в банку.

– Ну, чувствуешь что-нибудь? – нетерпеливо поинтересовался дядька, переминаясь за спиной.

Я внимательно прислушался к себе.

– В туалет хочу.

– Хм, а может, ты просто бездарь? – задумчиво раздалось в ответ. – Только мое время теряешь.

– Не-не-не! Я стараюсь! – Бултыхнул рукой в воде, со всей силой прислушиваясь к собственным ощущениям. И ничего – только сожаление растет внутри груди и слезы хотят наружу. Нет, я справлюсь! Просто дверь рядом, но я ее не вижу – как говорила нянечка, стоя напротив меня и разбитого окна.

Я закрыл глаза, склонил голову чуть набок и... решил поздороваться. То есть представил рядом с рукой маленькую грустную лягушку и молча сказал ей: «Привет!» А когда она промолчала – лягушки вообще неразговорчивые – погладил ее пальцем. Тронул – и что-то почувствовал. Открыл глаза, ожидая увидеть край банки – а ладонь моя в воздухе парит... Показалось... наверное. Закрыл глаза – и снова попробовал... Она шершавая... как ботинки

у заведующей, коричневые такие. Я вновь открыл глаза и тронул то же самое место – ничего. Закрыв один глаз – ага, вот она! Только вот провел пальцем – и что-то совсем она на лягушку не похожа, как по горке палец прошел. Как же ты выглядишь? Сощурился до рези в глазах, продолжая водить рукой по шершавым линиям, но так и не увидел его облик. Выходило, что оно совсем не лягушка, скорее облачко, прижатое к дальней стенке. Оно легко нажималось, если надавить пальцем, но почти сразу оказывалось как раньше – а дальше я проверять побоялся, помня про ремень.

– Есть! Шершавое и как облако. А еще оно плывет вверх.

– Точно? – недоверчиво уточнил дядя Коля.

– Оно еще такое... Не холодное, не горячее... Оно доброе! Ему... любопытно? – с удивлением понял я.

– Не ему, а тебе. Это отражение тебя в Силе, – поправил меня потеплевший голос.

– Так, значит, у меня получилось? – с надеждой, горя глазами, повернулся я к соседу.

– Получилось. Ты молодец! А теперь давай иди, полдник уже. И помни – никому ни слова! – довольно, как кот, улыбаясь, почти сразу выпроводил меня дядя Коля.

– Эй, а награда? Хоть бы сахару дал... – пробурчал я в закрытую дверь.

Дверь на мгновение распахнулась, пропуская кинутую верной рукой пачку рафинада. Такое не имеет право упасть на пол!

– Другое дело, – огладил я запечатанную пачку, встал с пола и отряхнулся.

– О, Максим, привет! – окликнули с другого конца коридора. – Ух ты, сахар! – добавили без перехода.

– Да, сахар, – важно ответил я, кивком приветствуя Сашку и Витю из младшей группы.

– А можно... кусочек? – нерешительно замялся Санек.

– Хм, – изобразил я раздумья. – Обмен?

– Обмен!

– Я хочу большую кружку, кеды с синей полоской и раскраску с карандашами.

– Это обойдется тебе в половину пачки!

– Десять кубиков, и в раскраске должно быть не меньше половины чистых листов.

– Десять каждому! – переглянулись они.

– Идет!

Николай рухнул на постель без сил. Затратный ритуал, первый этап «воздушной вьюги», требующей выплеснуть кучу сырой энергии для формирования техники уровня «ветерана», забрал все резервы, а значит, с его побитой энергетикой о даре можно было забыть минимум на неделю. Как и планировалось в общем-то. Он прекрасно знал о последствиях, когда готовил посвящение.

Поэтому так важно было все сделать с первого раза, важно было надавить на парня, обратить краеугольную процедуру в пустяк, что совсем не просто – тут, в небольшой комнатке, с простой банкой и водой. Это вам не золотая роскошь «Государевых фонтанов», не удивительные «Дороги Самоцветов» в землях Шереметевых и даже не самый доступный, потому что очень хиленький, источник Силы на Арарате. Вместо торжества, гордости и ощущения причастности к чужому величию – проходной тест с первой странички погрызенной (паршивец!) методички. Может быть, потому и сработало – а на тех же «фонтанах» люди порой по два дня живут, пока что-то «проклюнется».

«Получилось, все получилось», – успокаивающе шептал себе Николай, продолжая

бездумно рассматривать потолок. Но светлые эмоции не торопились смывать из души память о страшном напряжении последних минут. Потому что кое-что все-таки пошло не по плану – и именно поэтому дрожат кончики пальцев, размазывается мир вокруг – стоит открыть глаза, дико колотится сердце.

Волнами возвращалось ощущение страшного, ужасающего чувства потери контроля над вздорной стихией. Чувства, как пальцы, соскальзывают с удерживаемого булыжника Силы, под которым замер, стараясь, вихрастый мальчуган. Сломанный дар напомнил о себе – то, что раньше он мог удерживать часами, порвало удила.

Можно было развеять несформированную технику, пока есть возможность – не такая уж и редкость, когда бой вынуждает отменять заклинание, так что навыки наработаны. Так даже сейчас, калеккой, он мог бы легко «стряхнуть» с пальцев «вьюгу»... Но Николай продолжал ждать. Дурное упорство, опасное и глупое, – это он почему-то понимал сейчас, но не тогда, раньше, стоя за спиной пацана и искренне желая ему удачи.

Николай не хотел ломать Максиму веру в себя, не хотел переносить ритуал на неделю, да и просто... просто верил, что пацан справится. Потому стоял, вцепившись в зубы в нижнюю губу, до крови... и держал своевольное заклятие, которое могло бы убить их обоих.

А когда парень все-таки ощутил стихию и Коля наконец-то скинул энергию в фундамент (гнилые трубы через полгода гарантированы), его накрыл еще один шок – в этот раз совсем с другой стороны, от самой мирной вещи в комнате. От обычных часов.

Десять минут от момента начала ритуала до завершения. Что в пересчете на потенциал боевого ранга равнялось... Т-твою же м-мать.

– Кто ж твой папка, Максимка? – просипел Николай в потолок.

Разумеется, парень мог быть «самородком», но куда чаще бойцы ранга «учитель» и «мастер» рождались под громкими фамилиями. Простая генетика, сравнимая со способностью видеть в темноте у ночных животных или возможностью улавливать вибрации за километры у водных жителей, – то, что помогает выжить, усиливается с новым поколением. У старых семей выживание связано со способностью убить и не быть убитым, поэтому в их среде внимательно выбирают жен и женихов, и уже через какое-то тысячелетие добиваются рождения детей с потенциалом не ниже ранга «ветеран». Поговаривают, есть семейства, где рождаются исключительно будущие «учителя» и даже выше... Разумеется, потенциал – дело такое, его прибором не измерить, но есть и косвенные признаки. Вроде времени, которое тратится на первый поиск и «понимание» энергии дара. Не ощущения, а именно понимания – и не со стороны человека, а будто сама энергия касается его, заинтересовывается, отражает в себе человека, дает себя почувствовать, признает право управлять собой. Главное – сосредоточенно искать, не думая о постороннем, желать найти разлитую рядом силу. И она откликнется – через какое-то время. Иногда через час, иногда успеет пройти несколько дней. А у тех, кто по праву крови, кто по праву океана усилий прежних поколений куда ближе к дару, – десятки минут. Что в общем-то и позволяет говорить об огромном потенциале.

Честно говоря, Николай рассчитывал на пару часов ритуала – был уже опыт в «Древичах». И даже когда заклинание срывалось, мог бы продержаться пол часа. Да и ощущал он себя после скинутого заклинания, будто эти самые полчаса и прошли. Ан нет, десять минут...

Тоже деталь общей картины, подспорье для поиска.

Этим утром Николай успел посетить роддом, в стенах которого появился на свет его новый сосед. Успел потоптаться в регистратуре, выпрашивая про сотрудников-ветеранов родильного, и посетовать вместе с заведующей на уход отличных специалистов. За шоколадку и большую банку кофе его даже пустили порыться в личных делах детей. Не сразу, разумеется, а после искренней и насквозь выдуманной истории про дочку-дуру, сдавшую ребенка и не сказавшую деду... а теперь старику-инвалиду помирать, так и не увидев внука. К его рассказу, по вечной русской традиции, отнеслись с полной верой и женскими охами. Тем более что он знал и имя, и фамилию парня, и дату рождения (еще бы, анкету он зазубрил намертво). Расчет был на то, что, допустив к одному документу, дадут просмотреть все бумаги – а значит, где-то рядом будет анкета матери.

Но помочь не смогли – бумаги того времени оказались аккуратно изъяты, о чем местное начальство не догадывалось все эти семь лет. Под шум начавшегося переполоха Николай предпочел покинуть здание, выцарапав для себя напоследок парочку домашних адресов акушеров, работавших в те годы, но уволившихся. Тоже какая-никакая зацепка, хоть Коля и не верил, что женщины вспомнят одну из тысяч... тем более по прошествии стольких лет.

Следующая попытка обещала отнять гораздо больше времени и запросто могла завершиться очередным тупиком. Николай планировал отыскать родителей Максима. С одной стороны, подспорьем будут известные данные. Он знает, что они сильны, он знает о длинной родословной, он может определить их даже по внешнему виду – ведь их копия проживает на соседней кровати! Но, с другой стороны, чем сильнее семьи, тем тщательнее они относятся к тому, чтобы о иных делах никто не узнал, а книги по истории, газеты и журналы печатали «правильную историю», а не то, что было на самом деле. У высшей аристократии есть правда, в хронологиях и летописях, но где высшие, а где он? До реальных данных придется добираться через друзей-товарищей, что совсем не быстро.

Была еще одна искорка шанса – Сила Крови, индивидуальная особенность любой древней семьи. У Максима – нечто связанное с электричеством. Осталось только послать открытку Деду Морозу с просьбой рассказать, у какого рода есть подобная способность. Потому что с таким вопросом в любом другом месте пошлют уже его самого.

Ну а пока неспешно длится поиск, придется заниматься образованием парня. Не от огромной доброты – отчет ведь придется держать перед родичами Максима. Николай вроде бы и не обязан, и в школу пацана не пустил совсем не он, но... Гораздо выгоднее предстать перед аристо в роли не пьяницы-сторожа, а заботливого ветерана. Тем более что учеба – она сближает, а близкого найденышу человека наверняка не кинут.

Да и парень уж больно сообразительный для своих лет. Говорят, это тоже признак породы. Когда за тысячелетия войн дети становятся взрослыми в десять и идут воевать, когда возглавляют семьи, потому что взрослые уже мертвы, когда вынуждены управлять целыми заводами, потому что кровь-от-крови и никто другой не смеет встать во главе, – тогда получается такое потомство. Уж лучше счастливое детство...

Что же касается Силы и освоения Дара – идти куда-то дальше экзамена на «новика» воздушной стихии Николай откровенно опасался. Потому что снова – родня. Он понятия не имел, какую стихию практикует род Максима, но наверняка знал, что, если она не совпадет с воздухом, а он продолжит занятия, кое-кто будет очень недоволен. Потому что чем больше осваиваешь что-то, тем сложнее будет переключиться на другое. А «новика» и общих тренировок вполне хватит для развития Узора парня. Совсем необязательно идти дальше.

Подведя итоги, Николай со спокойной душой позволил себе уснуть на пару-тройку часов.

Тот факт, что брошюрку-то парень выучил до самого конца, отчего-то совсем не всплыл в памяти. Наверное, потому, что изложенное в ней совершенно невозможно было одолеть самостоятельно. Ну он так думал...



# Глава 4

## Тайное, которое явное

– Что ты на меня так смотришь? – Дядя Коля вильнул взглядом.

«Математика – восьмой класс! – выразительно прочитал я, громко переложив книгу с места на место. – Не-ор-га-ни-чес-кая хи-ми-я»!

– Я попросил книги, чтобы стол подпереть, – что дали, то и принес! – буркнул сторож, отворачиваясь к окну.

– И мне это учить? – возмущенно потряс я крупной книгой с надписью «География Империи» над головой.

– Ну, это тоже волшебные книги, – осторожно протянул дядя, – просто ты пока маленький и глупый, чтобы их понять.

– Да ну? – Я прищурил глаза и повернул голову чуть набок – пусть видит, насколько я ему не верю.

– Доказать? – Сосед шагнул вперед, перехватил том из моих рук. – Вот, смотри!

И распахнул обложку.

– Это что? – уставился я на картину, раскрашенную в синий, желтый и зеленый.

– Это изображение нашей страны с огромной высоты, – терпеливо объяснил сосед. – Вот это белое – северный полюс, вечный снег даже летом. Там живут белые медведи. Синее – Северный ледовитый океан, а все что ниже, до вот этой черты, наша страна. Вот это – огромные горы, тут – самое большое в мире озеро, это пятнышко – наша столица, Москва.

– Круто! – ахнул я и еще долго изучал волшебную страницу, спрашивая у дядьки подробности. Водил глазами по ниточкам рек, от самого их начала до морей и океанов. Считал – и постоянно сбивался – количество городов. Пытался растопырить пальцы так, чтобы большой стоял на Владивостоке, а указательный на Москве – не получилось.

– А вот эта маленькая точка – наш город, – ткнул дядька ногтем к самому морю наверху и слева страницы.

– А где я? – появился самый главный вопрос.

– Ты слишком мелкий для этой карты, – усмехнулся Коля.

– Так зачем она, если там нет меня? – возмутился я в ответ. – Хотя бы имя могли написать! И стрелочку.

– Не принято писать на карте имена отдельных людей.

– Ну вот же, написано: «Княжество Истоминых». Почему Истомина можно писать, а меня – нет?

– Потому что это его земли, – теряя терпение, пояснил дядька. – Вот будет у тебя княжество, тогда и твоя фамилия тут появится.

– Вот на этом маленьком клочке? Мелковато, – хмыкнул я.

– Ладно. Если захватишь весь мир, то тут на всю длину будет написано твое имя.

– Так что тянуть, у меня и фломастер есть!

– Ты не понял: сначала захватишь – потом появится надпись. И не сразу, а где-то месяца через три-четыре.

– Долго, – покачал я головой, незаметно откладывая книгу за спину.

Ночью я все-таки стану императором мира! Дважды – синим и красным фломастером!

– Ух ты! А эта – тоже волшебная? – схватил я следующий том. – «Ка-ма...»

– Хм, как она сюда попала... Отдай!

– Мое!

– Это очень сильное колдунство!

Я внимательно проследил за движением томика, заметил, куда он его запрятал, и поставил второй целью после бинокля.

«Фи-зи-ка, восьмой класс», – значилось на потрепанной невзрачной книжице. Наверное, скучная – я равнодушно переложил ее во вторую стопку.

– Зря выкидываешь, – прокомментировал дядька.

– И что там интересного? – Я все-таки полистал желтоватые страницы и даже попытался прочитать часть текста – ничего не понятно.

– Узнал бы, почему греется твой браслет, – кивнул он на мою левую руку. – Восьмой класс – это электричество. Твой дар – электричество.

– Пригодится, – согласился я, совсем иначе посмотрев на загадочный том.

Книга вернулась обратно и для верности была прижата коленкой.

– Тогда занимайся. – Он лег на кровать и повернулся спиной.

– А когда ты научишь меня драться? – напомнил я о старом обещании.

– Подойди к стене и ударь ее, – пробормотал он, засыпая.

Пожав плечами, подошел к голой стене и лупанул ее кулаком.

– Больно! – потряс я ладонью и подул на костяшки.

– Бьешь стену – она бьет тебя в ответ. В драке всегда так. Победишь стену – буди, – зевнул дядька и уснул.

Наверное, очередная проверка. Я с подозрением оглядел стену, еще раз лупанул ее и вновь затряс рукой. Стена явно сильнее, и хорошо, что не бьет первой.

Надо использовать волшебство, только вот как? Для проверки гаркнул загадочную и волшебную фразу из заученной брошюрки и взмахнул рукой. Ушиб руку о край своей постели и добавил в заклятие еще пару сильных фраз, подслушанных у соседа. Не помогло – стена осталась целехонька.

– Что же делать? – погрустнел я. Не ломать же пальцы...

Попытался было вспомнить чувство энергии, которое заставлял меня отыскать дядька, и даже вроде бы что-то такое нашел, но удар по стене снова вышел таким же бестолковым и болезненным. Наверное, я просто чего-то не знаю. Но зато это есть в волшебных книгах!..

– ...которые я совсем не понимаю, – вздохнул, усаживаясь на кровать.

Покрутил в памяти запомненные страницы, не находя ничего, что мог бы понять настолько, чтобы использовать. Прошелся по комнате, сердито поглядывая то на соседа, то на стену. И то и другое хотелось стукнуть, но не могло. В итоге пнул пустой пакет из-под книжек и больно ушиб мизинец – там, оказывается, что-то оставалось. Глянул на самое дно – действительно, черная книжка с золотистыми буквами. Тяжелая и вроде не такая маленькая, чтобы потеряться, – просто пакет большой. Поднял, потряхнул и тихо прочитал: «Сло-варь». Хм... Хм! Губы расплылись от сладостного предвкушения, как от второй котлеты на добавку.

Словарь не подвел! За что и был упрятан под матрас – еще найдут и отнимут, а такое волшебство и самому нужно!

Вроде бы непонятные и странные слова оказались не такими и сложными – просто

взрослые любили назвать одним загадочным словом пять простых. И надо было всего-то: добиться, чтобы мой дар покрыл два раза весь кулак, а затем ударить! Ну там еще было две страницы, как все это сделать, но, когда на улице было совсем-совсем темно и тихо, я все-таки справился!

Удар прозвучал упавшим с верхней полки чемоданом и разошелся по всей комнате дрожью пола, звоном подпрыгнувших чашек, дребезжанием окон и матом проснувшегося дяди Коли.

– Ты что сделал, гад?! – в ужасе смотрел он на огромную дыру в кирпичной кладке стены.

– Это вообще не я, – замотал я головой, огромными глазами глядя на дядьку.

– А кто?!

– Т-тараканы?

Но главное – стену я победил! И потом гордо ходил мимо нее, потому что сидеть было больно.

Рядом бродил кругами сторож, то и дело бросая разъяренный взгляд на рисунки из раскраски, которыми мы прикрыли дыру. А зря, рисунки отличные: с сине-красным жирафом и сине-красным слоном. Сам делал!

– Ты хоть понимаешь, что было бы, ударь ты чуть сильнее?

– Что?

– Улица тут была бы! Это же капитальная стена! Скажи спасибо, что половина интерната не сбежалась.

– Спасибо.

– А если кто-то узнает о твоём даре, что будет?

– И что в этом плохого? – шмыгнул я.

Сторож схватился за голову рукой и сел на кровать. Долгое время молчал, о чем-то напряженно думая, а когда поднял голову – посмотрел собранно и строго.

– Вот скажи мне, пистолет – это хорошо или плохо?

– Плохо? – неуверенно предположил я, растерявшись.

– А если он в руках у человека, который защищает себя и свою семью?

– Тогда хорошо, наверное.

– А если он перейдет в руки преступнику?

– Ну...

– Пистолет – не плохой и не хороший. Пистолет – просто пистолет до тех пор, пока он не попадет в руки хорошего или плохого человека. Твой дар – это такой же пистолет, он тоже не плохой и не хороший. Но многие плохие люди захотят получить его себе.

– Но он принадлежит мне! – искренне возмутился я.

– Нет, – хлопнул он рукой по постели, – у тебя нет покровителей, нет защитников! Если твой дар обнаружит директор, именно она будет решать, что с ним делать – продать, отдать или оставить себе.

– Да как вообще можно продать чужой дар!

– Вместе с человеком. Вот так, – выставил он протез вперед и приподнял штанину, показывая тусклый металл вместо ноги. – Я сам продал свой дар. Смотри на результат!

– Вы, сами? – не веря, повторил я вслед.

– Да. Продал на двадцать лет. Это называется «служба». Но это мой выбор, – отвел он взгляд. – А тебя, если обнаружат дар, продадут без твоего ведома. Если уже не продали.

– Но так же нельзя? Я – против!

– Тебя никто не спросит. Тебя заставят. Ты не владеешь даром в той мере, чтобы защитить им себя и свою свободу.

– Так научите!

– Не могу! – повысил он голос. – Что мне скажут твои родители, когда... – неожиданно замолчал он и продолжил совсем иначе: – Поэтому нам надо держать все в тайне.

– Мои... родители? – Что-то во мне щелкнуло, включив совсем другой звук. Холодный, лязгающий, чужой.

– Я хотел сказать – твои родители наверняка бы хотели...

– Николай...

Дядька как-то съежился, будто от удара, и совсем иначе посмотрел на меня. Раньше-то я видел всякие взгляды, от рассерженных до добродушных, но этот – он был с испугом. Справился с собой дядька быстро, вернув прежний усталый вид, но теперь старался смотреть мимо меня. Я хотел было извиниться, но сосед заговорил первым.

– Я не знаю, живы ли они, – пробормотал он. – Скорее всего, нет. Извини. Но есть шанс, что живы дедушки, бабушки, тети или дяди, это почти наверняка.

– И зачем я им нужен?

В интернате были те, у кого остались родственники, но они как-то не торопились забирать детей к себе.

– В таких семьях, как у тебя, родство очень сильно. Ты не представляешь насколько. Троюродный брат, двоюродный дядя, крестные твоих родителей – все они будут счастливы с тобой встретиться и забрать к себе.

– Так почему я все еще здесь? – тихо, уже своим голосом, проговорил я.

– Тебя записали под чужим именем, документы спрятали. Наверное, так тебя хотели защитить от врагов, – понурился дядька и принялся медленно приводить штанину в порядок, что с одной рукой не очень-то удобно.

Я присел рядом и поправил складки брюк.

– А как вы узнали, ну... про меня?

– Твой дар – он как вторая фамилия, – улыбнулся он сверху.

Дядя Коля переставил ногу поудобнее, оперся рукой на клюку и начал медленно рассказывать историю о своих поисках, неприятных открытиях, опасениях и их подтверждении. О злой ведьме-директрисе и ее сподручнице. О потерянном принце и калеке-помощнике. О главном злодее-людоеде, скрытом где-то во тьме. О его, дяди Коли, решении ничего мне не говорить, но продолжить поиски. Все смотрелось увлекательной сказкой, в которой пока не было счастливого конца. И самое страшное – я был главным героем.

– А если они не найдутся? Мои родные... – хмуро смотрел я в пол. – А я так и останусь слабым.

– Даже если мы продолжим тренировки, я не смогу дать тебе что-то больше той паршивой книжки! – качнул дядька головой. – Этого недостаточно.

– Вот так просто сидеть и ждать? – возмутился в ответ, собираясь всерьез обидеться.

– У тебя есть козырь. Твоя родовая Сила Крови. Изучи ее, поставь себе на службу, – без тени улыбки посоветовал он мне. – Она сильнее всего, чему я могу научить.

– Вы можете?

– С электричеством я тебе не помощник. Не моя стихия. Общие приемы ты выучил.

– И что мне делать?

– Занимайся физикой, – кивнул он в сторону отложенных на тумбу учебников. – Экспериментировать. Дар не может тебе навредить. Только очень, очень прошу!.. – спохватился он и серьезно занервничал.

– А?

– Не сожги интернат!

– Да никогда в жизни! Слово императора! – гордо приподнял я подбородок.

– Ну-ну, – сменил он тревогу на улыбку. – Еще совет... Тот голос... твой голос, которым ты... ну... – совсем запутался дядька.

– Я его сам испугался, извините. Я больше никогда...

– Тренируй его! – к моему удивлению, перебил меня дядька. – Это тоже твой дар и твоя кровь.

– Понял, – почесал я затылок.

– Давай спать, ночь уже давно, – посмотрел на часы сосед и улегся на спину. – Свет погаси.

Напоследок я потянулся за потрепанным учебником, листнул десяток страниц, ничего в них не понимая, с горечью отметив, что одним словарем тут никак не обойтись.

Утро встретило меня за углом коридора, окликнув хриловатым голосом старшего – из тех, кто должен был в конце года выпуститься, а значит, уже чувствовал себя настоящим взрослым. Здоровый, стриженный под лысого бугай в спортивном трико подпирал стену в двух метрах от поворота и явно ждал меня.

– Говорят, ты можешь достать сахар? – вальяжно протянул центровой, подойдя вплотную.

О! Тренировки! Я закрыл глаза, вспомнил свои чувства... Спина сама собой распрямилась, чуть поднялся подбородок. Глаза открыл совсем другой человек.

– Кто говорит? – Голос лязгнул металлом – тем самым, что родился в ночной беседе.

– Люди, – забегал глазами центровой и вынул руки из карманов. – Так что, обмен?

– Мне нужен восьмиклассник, с пятеркой по физике, – после десятка секунд раздумий произнес я.

– К-какой? – растерялся парень.

– В очках, – тронул я переносицу.

Все умные – в очках, это все знают.

– Е-есть такой, – поспешно кивнул он. – Его побить?

– Доставишь целым, с книгами и тетрадь, сегодня вечером. Плачу тридцать кубиков.

– Договорились!

Что-то он как-то быстро убежал. Хм... А ведь работает голос!

Ободренный успехом, я зашагал в сторону столовой. Тренировка продолжается! И пусть только попробуют не дать мне вторую котлету...

# Глава 5

## Дружба и котлеты

Восьмиклассник выглядел потрепанно, прижимал бумаги к груди и испуганно поглядывал сверху вниз через толстые линзы пластиковых очков. Белая помятая рубашка и короткие штаны, с выглядывающими носками и коричневыми ботинками – кто так одевается! То ли дело я – в кедах с синей полоской! От своих коричневых ботинок я избавился еще вчера.

– Твой заказ, – подтолкнул парня в спину центральной, заставляя сделать пару маленьких шагов вперед.

– Точно отличник? – с сомнением посмотрел я на предмет обмена.

Владелец столь ценных знаний должен внушать ужас! Ну я бы точно внушал ужас, я уже тренируюсь.

– Дневник, – скомандовал центральной, принимая из рук парня толстую тетрадку в серой обложке и разворачивая передо мной. – Сам смотри, все четвертные – пятерки.

– Тут тройка, – придрался я, взглядевшись в расчерченные поля.

– Это физкультура.

Я с умным видом покачал головой.

– Тридцать, как договорились, – протянул я ему полиэтиленовый пакет, с интересом изучая свое приобретение. Приобретение нервничало.

Лысый бугай вскрыл пакет, выудил из середины кубик, с загадочным видом лизнул грань и замер, будто прислушиваясь к чему-то, – даже глаза прикрыл.

– Все в норме, – кивнул он, запрягивая пакет за отворот спортивки. – Будет еще – найди меня.

Суетливо оглянулся по сторонам и с деловым видом ушел в сторону лестниц.

– Кажется, я знаю, кем он будет, когда вырастет, – вздохнул восьмиклассник ему вслед.

– Он не сможет от этого уйти, – мудро согласился я. – Потом выпадут зубы, испортятся почки, пожелтеет кожа.

– Да...

– Печальна судьба сладкоежек.

– Ч-что?..

– Пошли за мной. – Я уже махнул рукой и направился в нашу с дядькой комнату.

Позади неуверенно шлепал мой новый учитель физики. Только дикий какой-то, как Лайка, которая бегала у нас в парке. Тоже всех боялась, пока не прикормили. Точно!

– Будешь котлету? – придвинул я ему тарелку, доверху наполненную жареным лакомством.

Мы устроились на моей кровати – я ближе к столу и котлетам, а он на самом конце, у двери.

– С-спасибо, нет... – посмотрел он голодными глазами на мясо.

Ну, Лайка тоже поначалу отказывалась.

– Вку-усная котлета, ам-ам! На? – протянул я тарелку в его сторону.

– Я правда не хочу, спасибо. – Теперь он смотрел с диким испугом и отодвинулся еще дальше.

Не доверяет! Ничего, главное – дружелюбный голос.

– Давай тогда знакомиться, – миролюбиво улыбнулся я, положив котлеты обратно. – Тебя как зовут?

– Семен, – осторожно пожал он протянутую мною руку.

– Максим, император мира. Что ты так смотришь? Это не я придумал, это в книге написано. Хочешь, покажу?

Доказательство моей правоты предъявить не успел – в комнату ворвался чем-то очень, очень разозленный дядька.

– Так, ты тут, да?.. – прошипел он, громко захлопнув дверь за собой.

Я тут же сунул тарелку с котлетами на коленки Семену и защитился подушкой. Не знаю зачем. У взрослых это зовется интуицией.

– Помогите, меня продали за тридцать кубиков сахара! – запищали сбоку.

– Молчи и жуй! – вгокнул я ему полкотлеты в рот, смекнув, что уж лучше огрести только за что-то одно.

– Значит, это ты из столовой котлеты упер, – мрачно сообщил дядя Коля.

– Мне повар сама их отдала! – с обидой возразил я.

– А еще деньги и часы?! – взревел дядька.

– Там не так все было! Я просто стоял и смотрел! – принялся я объяснять.

– Да ну?!

– Честно! Я пришел и попросил добавку. Ну... своим голосом... Она мне положила котлету. А я стою и смотрю. Она положила мне еще котлету. Я стою и смотрю...

– Дальше!

– А дальше у нее кончились котлеты, и она положила часы!

– И ты не мог ее остановить?! – вцепился он рукой в волосы.

– Мне было интересно!

Пока мы ругались, рядом дожевывал третью котлету Семен.

– Верни тарелку, предатель!

– Так, а это кто? – чуть успокоился дядька.

– Меа поали, – невнятно выдал этот гад.

– Он говорит: меня поймали. Представляете, вхожу, а он наши котлеты ест!

Справа закашлялись и схватились за горло.

– Не обращайтесь внимания, он все равно скоро умрет, – успокоил я дядьку.

– Пааайте! – просипело рядом.

Дядька подошел ближе и пару раз сильно стукнул парня между лопаток.

– Вот-вот, лучше добить. Клюкой его, клюкой!

Но Семен почему-то откашлялся и теперь злобно смотрел на меня.

– Я пошутил, – уточнил и передвинул подушку так, чтобы защититься от обоих.

– Где деньги и часы?

– Не брал я их, сложил в шкафчик на кухне. Ну, большой такой, с вещами.

– Ладно. Может быть, обойдется. – Дядька провел рукой по лицу и вздохнул, успокаиваясь.

– Обязательно обойдется, – убежденно согласился я, с опаской глядя, как восьмиклассник убирает очки в карман, продолжая неотрывно смотреть в мою сторону.

Что-то это никакая не Лайка!

– Семен, давай дружить! У меня бинокль есть!

– Да? – с недоверием рыкнул старый тигр, замерев перед прыжком и подслеповато прищуриваясь.

– Нет у тебя никакого бинокля, – фыркнул сторож.

– Р-ра! – метнулось навстречу мне тело.

В подушку влетело нечто огромное, переворачивая меня на спину и прижимая к постели. По бокам подушки часто-часто захлопали несильные удары, не добираясь до меня, а сверху зло пыхтел Семен.

– Замерли, резко! – гаркнул в ухо голос сторожа. – Максим, кто это?

– Это мой новый учитель физики, – пропыхтел я, пытаюсь освободиться.

– А, ну тогда продолжайте, – протянул удаляющийся голос.

– То есть все нормально, да?!

– Хм, да не очень. Парень, бей чуть ниже.

– А я?!

– А ты – месяц без сахара! Работорговец хренов... Как будто мне больше делать нечего, там еще какой-то придурок ботинки в канализацию смыл... – И хлопнула входная дверь.

Следующие удары попали точь-в-точь по ребрам. Я зашарил руками, пытаюсь вцепиться и опрокинуть противника на пол, но он был слишком тяжел, а я вдобавок вжат в самый центр матраса, вогнувшегося под нашим весом. Но тут мне улыбнулась удача!

– Не делай резких движений – я настроен очень серьезно! – Я схватил руками нечто очень дорогое Семену и чуть дернул на себя.

– Ай! Отпусти! – запаниковал парень.

– Еще одно резкое движение, и я сожму руку! Я не шучу! – добавил я строгости в голос.

– Ты не посмеешь!.. – А уверенности-то в голосе маловато!

– Проверим? У меня силы хватит – никто потом не починит!

– Спокойно, не делай глупостей, – с тревогой произнес Семен.

– Медленно поднимись! Медленно, я сказал!

– Я делаю, делаю, видишь? – Подняв руки вверх, парень сел на кровать, все еще находясь над моими ногами.

Я скинул подушку на пол, продолжая крепко держать его за самое ценное.

– Ногу на пол! Встаешь очень осторожно!

– Максим, только не нервничай, мы все решим, – сглотнул он, глядя вниз.

– На счет «три» я отпускаю. – Пододвинувшись к столу, я ухватил банку с водой другой рукой. – Только дернешься – замочу!

– Я все понял! – закивал восьмиклассник.

– Раз, два, три!

Семен осторожно опустил руку и выудил из кармана очки.

– Уф, целые, – с великим облегчением произнес он, протирая линзы и цепляя пластик на переносицу. – Если б ты их разбил, я не знаю, что с тобой сделал бы...

– Еще не поздно проверить, – угрожающе придвинулся я.

– Спокойно! Претензий нет, расходимся миром! – попятился он к двери, держа руки на виду.

– Стой. Один вопрос. – Кое-что в случившемся не давало покоя.

– Слушаю?

– Почему у тебя тройка по физкультуре?

– Я на уроках дерусь, – вздохнув, честно признался Семен. – А ты правда император?



Или... того... – как-то странно покрутил он рукой у виска.

– Нет, – шмыгнул я, потирая ребра. – Но обязательно стану! Только физику выучу...

И без тебя справлюсь!

– Чем тебе физика-то поможет? – не понимая, пожал он плечами.

– Тайна, – насупился в ответ.

Семен недоверчиво покачал головой, но приставать не стал.

– Слушай, а что там с биноклем? – со сдержанным любопытством произнес он, уже хватаясь за дверную ручку.

– Вон в том ранце лежит, но трогать дядька запрещает, – скривился я, ткнув пальцем под кровать. – Зато есть вещь поинтереснее! Книга! Волшебная, кстати.

Я выудил из тайника под тумбой ту самую книгу, что не дал мне посмотреть сторож, и с загадочным видом раскрыл перед Семеном.

– Ух ты! – раскрыл он рот, глядя на красочные картинки. – Вот это да-а!..

– Ага, такого ты нигде не увидишь! – с важным видом кивнул я, листнул еще две страницы и захлопнул книгу перед его носом.

– А может, в библиотеке есть? – усомнился Семен, с надеждой глядя на закрытый том.

– Такого точно нет! – припечатал я ладонью по обложке.

– Посмотреть все равно стоит.

– Ну-ну, надейся, – упрятал я книгу обратно, подальше от светящихся глаз Семена.

– Я название запомнил, проверю, – прогудел он.

– Удачи! – отвернулся я, прощаясь с последней надеждой чем-то заинтересовать несостоявшегося учителя.

– Слушай, Максим...

– Мм?

– Ну, если не найду, покажешь книгу еще раз? – робко поинтересовался Семен с порога.

– Только в обмен на уроки! – ухмыльнулся я, стоя к нему спиной.

– Заметано! – обрадовался парень и осторожно прикрыл дверь.

Попался! Я вновь выудил ту книгу и с благодарностью провел по гладкой поверхности.

– А ты действительно волшебная, – признался ей и с нежностью назвал по имени: – «Ка-маз. Ин-струк-ци-я по эк-сплу-а-та-ции и ре-мон-ту».

Прибрался, сходил на ужин, вновь восхищенно поразглядывал красивые, яркие изображения огромного красного автомобиля, а потом пришел мокрый и очень злой дядька. Книга лежала уже на своем месте, а я с умным видом уставился в «Физику», разглядывая непонятные загогулины. Сторож вобрал было воздух в легкие – явно не для того, чтобы похвалить, но тут я легонько пододвинул одеяло, показывая ботинки под кроватью, рядом с кедами.

– Ладно, – выдохнул он. – Помоги переодеться.

– Я потом погуляю?

– Иди, – устало завалился он на кровать, разминая ногу рукой.

Чуть позже, подхватив ботинки, я осторожно прокрался в дверь, рыскнул глазами по коридору, пока не заметил призывное движение рукой под лестницей.

– Спасибо, друг, – ссыпал я в ладошку Сашке два куска сахара и вернул ботинки.

– Обращайся, – счастливо шмыгнул парень, уносясь к себе в комнату.

Надеюсь, к утру дядька про ботинки забудет. Так и получилось – наверное, еще и потому, что ночью к нему заявила нянечка и меня выставили на полчаса в коридор.

Походив под дверью и окном и прислушиваясь к длинным стонам, поначалу подумал – пытается дядька вражину. А как встретил потом раскрасневшуюся и довольную нянечку в коридоре, сразу все понял. Сахар мой ели.

# Глава 6

## Одинокчество и кошки

– Это Маша, она будет жить с нами! – уверенно заявил я с порога комнаты в спину распивающему чай дядьке.

– Ч-что?.. – закашлялся сосед, пролив полчашки на стол.

– Ну... не на улице же ей жить, беременная она, – привел я довод.

Чашка звонко упала на пол, дядька медленно повернулся на стуле.

– Максим! – рыкнул он, глядя на меня и Машу.

– Ч-что?

– Ремень подай.

– Не-не-не! Я все объясню! – закачал я головой и прижался спиной к некстати закрытой двери.

В руках жалобно мяукнула кошка.

– У тебя минута... – закрыл он глаза и тяжело вздохнул.

– В интернате держать кошку нельзя, а на улице они блохастые! – затараторил я. – Вот я и подумал, если взять Машку с улицы и отмыть, то ее можно за плату давать поласкать!

– Та-а-ак... – сжав кулак, протянул дядька.

– Вот. Пять минут – один стакан молока. Да! Молоко быстро портится, но из молока можно сбивать сливки! А сливки обменивать в столовой на шоколад, – быстро завершил я, поглядывая на секундную стрелку на наручных дядькиных часах. – То есть сдаем Машку, снимаем сливки – и мы в шоколаде!

Дядька грузно поднялся с места, прихватил по пути ремень и через два шага нависал надо мной.

– У меня для тебя две новости, – странным, как эхо, голосом, произнес дядя Коля. – Во-первых, это кот. Жирный, откормленный кот.

– Вот блин, я уже котят успел пристроить заранее... – замедлился я на последнем слове и икнул, уставившись на черные как ночь дядькины глаза.

– Во-вторых, отпусти кота на улицу.

– Я столько котлет в него вложил!

– Живо! И по пути внимательно подумай над своим поведением.

Через две минуты я снова стоял перед дядькой – тот будто замер, ожидая меня в том же положении, с ремнем в руках.

– Ну? – строгим голосом спросил он.

– Я забыл про вашу долю? – вопросительным тоном произнес я.

– Неверно, Максим! – И он указал ремнем на кровать.

Неправильным ответом оказалось даже: «Я больше не буду».

– Пойми, в твоей жизни будет много силы, много власти. Но ты не имеешь никакого права распоряжаться чужими жизнями и чужой свободой! – ярился дядька между полетами ремня. – А если когда-нибудь забудешь об этом, я явлюсь к тебе даже из преисподней и отхлестаю ремнем еще раз!

Мог бы и просто объяснить – я бы разобрался и без ремня. Раз нельзя, то нельзя. И вроде как он сам это понял – оттого выставил на стол сахарницу, заварку и удалился, ковыляя,

обходить территорию.

В общем, ко времени, когда пришел Семен, я все-таки смог сидеть на стуле. Заходил он уже два месяца, почти каждый вечер после ужина, и этого хватило, чтобы растолковать значение Подковы, Палки и Большой буквы «Р» с хвостиком. Очень интересно!

– Вот смотри. Напряжение равно сопротивлению умножить на силу тока. Что-то не понятно? – Семен терпеливо тыкал карандашом в формулу, показывая загогулины и рассказывая, что они обозначают.

– Ага. Что такое «умножить»?

Семен звонко шлепнул раскрытой ладонью по лицу. Он так часто делает, перед тем как ответить. Наверное, думать помогает.

– Умножить – это действие, – закатив глаза к потолку, пояснил он.

– Круто! А я могу делать это действие?

– Да. Ты умножаешь скорбь.

– На что? – деловито уточнил я, записывая важную информацию в тетрадь.

– На тоску.

– И что получается?

– Безысходность, – тоскливо вздохнул мой учитель. – В общем, закрывай тетрадь и переворачивай. Видишь столбики?

– Ага. – Я уставился на ровные строчки цифр с тем же знаком.

– Выучишь к следующему разу. Заодно поймешь, что такое умножение, – засобирался Семен.

– Два умножить на семь равно четырнадцать... – прочитал я строчку. – А это точная информация?

– Абсолютно. Все, что тут написано, – полная правда.

– Хм... – Я приписал в конец колонки: «Максим = император». Теперь этой таблице можно верить.

– Завтра зайду, – помахал рукой Семен.

Дядька вернулся ближе к ночи, и вернулся явно из большого города – на это указывали запахи одежды, пыль на ботинках.

– Присядь, – указал на место за столом и разлил чай по кружкам.

Извиняться будет?

– Я продолжаю поиски твоих родных, – начал он, выуживая из кармана пачку настоящих вафель. – Пока удастся плохо, – признался он, присаживаясь напротив.

– Совсем плохо? – приуныл я, придвинул к себе пачку и, не заметив запрещающего взгляда и жеста, великодушно забыл про утреннюю обиду.

– Через роддом – ни одной зацепки. Через Силу Крови – тоже мало успехов. Разве что у одного японского рода вроде что-то похожее, но ты, – оглядел он меня с головы до ног, – совсем не похож.

Я перестал растягивать уголки глаз в стороны и ссутулился.

– Как я уже сказал, поиски я продолжаю. Но делать это в стенах интерната очень сложно, долго пропадать в городе я не могу.

Дядька помялся некоторое время, даже поднес чашку к губам, но поставил ее назад.

– А еще находиться мне здесь опасно, – признался он. – Помнишь, я говорил тебе, что нельзя показывать виду, что мы что-то знаем?

– Да, – кивнул в ответ.

– У мужчин, взрослых, я имею в виду, мозгам иногда не получается обмануть тело. В общем, мне каждый раз сложнее вести себя так же, как раньше. – Дядя Коля отвернулся к окну.

– Вы уйдете? – с грустью произнес я, осознав, к чему ведет сторож.

– Через несколько месяцев, – подтвердил он мое предположение. – Я начал процедуру усыновления Семена. После окончания учебного года мы уйдем оба.

– А я?! – обиженно вздернул я подбородок.

– Тебя я не могу усыновить, – извиняясь, понурил он голову. – Я же говорил – тебя вроде как и не существует. А так бы – обязательно.

– А Семена почему? – проглатывая обиду, шмыгнул я.

– После девятого класса интерната его никуда не возьмут. Интернатским стараются отказывать. Ему надо учиться в хорошей школе, не здесь, – сухо отламывал фразы дядька. – Я переведу его в другую школу, у меня хватит для этого возможностей. Ты ведь желаешь Семену добра?

– Да.

– Тем более что я тебе не сильно хороший помощник, – помахал он клюкой в воздухе. – С каждым годом ходить все сложнее. А Семен – молодой и умный, ему легче. Он станет взрослым раньше тебя и сможет опекать, передавать посылки, сахар. Тайком.

– Получается, Семен мне не из-за книжки помогает? – уставился я в пол и ковырял носком кедр крашенные доски.

– Да, это я с ним поговорил, – признался сосед, – и он согласен и насчет школы, и дальше...

– Вот так вот поверил и согласился? – недоверчиво приподнял я бровь. Если вспомнить все байки и сказки про людоеда-сторожа...

– Он взрослее, чем кажется. Есть такие скучные взрослые слова, как «конкурс на поступление», «блат», «льготы»... Ты не ведаешь их значений, а Семен уже начал о первом из них задумываться. Без второй вещи Семен не сможет поступить в университет. С третьей сможет, – но ее смогу дать ему только я, отец-одиночка, инвалид.

– А? – не понимая, переспросил я.

– Он сможет учиться в хорошем университете, если я его усыновлю, – расшифровал дядя Коля. – Поэтому согласился.

– Понятно... А он знает про меня?

– Нет, – коротко качнул сторож головой. – И ты не говори. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Это если я всю физику выучу – вообще спать не буду?!

– Это поговорка, – отмахнулся дядька. – Не знает – переживать не будет. И выдать тебя не сможет.

– Он не станет, – убежденно произнес я.

– Я тоже так думаю, но давай не рисковать.

Сторож некоторое время молчал, разглядывая поверхность стола и размазывая капельки воды пальцем. Показалось – решал, говорить мне что-то или умолчать.

– А еще, когда придет время вытаскивать тебя отсюда, мне лучше быть давным-давно уволенным, – все-таки сказал он. – Знаешь, что такое месть?

– Ага. Это то, что Машк сделал с вашими тапками, – согласно качнул я головой.

– Ну вот... Что-о?

Я бы пояснил, но в этот момент срочно доел остатки вафель. Интуиция!

Три следующих месяца прошли как ванильная тянучка – вроде и не торопишься, прислушиваясь и наслаждаясь, но вот раз – и нет ее, кончилась вся.

Все это время дядька носился по городу и интернату, меняя красивые фигурные бутылки с коричневой водой на серые справки и довольные улыбки преподавателей, Семен почти ночевал у нас в комнате, устало вглядываясь в десяток книг с цифрой восемь на обложке. А я, лежа на постели, медленно нагревал свой браслет, доводя до алого цвета, и остужал вновь – если окружить руки даром, оказалось совсем даже не горячо.

Пока за этим делом меня не поймал дядька.

– Комнату спалишь, – почему-то совсем не зло сказал он, изучая раскаленный до темно-красного обод в моей руке.

– Не, – глянул я в его сторону и перевел взгляд обратно, убедившись, что запрещать пока ничего не будут.

– И что ты... чувствуешь? – с осторожностью в голосе спросил он, присаживаясь на край постели.

– Любопытно просто, – пожал я плечами, разглаживая металл пальцами.

– Любопытство – это хорошо, – одобрительно улыбнулся дядька. – Вот если бы скука – тогда совсем плохо. Даже хуже злости.

– Почему? – надел я браслет на запястье, давая ему остыть на руке, и присел, развернувшись в его сторону.

– Дар управляется эмоциями. Нас учили через злость, для рядовых отлично подходит. Там думать не надо, вызвать в себе легко – знай, ненависть противника или препятствие. Когда меня повесили, я злился на начальство, на погоду, иногда камешек в ботинок подкладывал. А когда поумнел – злился на жизнь, – пустился дядька в воспоминания.

Я хоть и не все понимал, но не переспрашивал – интересно ведь. А слова потом пойму.

– Злость мешает думать. На старших офицеров учат иначе, через гордость, верность, честь. Это очень сильные эмоции, большая сила ими удерживается и управляется. Такие спокойно могли держать частную армию даже в одиночку, сутками. Бывали, правда, осечки, когда вместо гордости дар офицера управлялся тщеславием. И ведь не сразу такое прознаешь – задачи-то офицер выполняет, а когда выясняется, что ради медальки он целый отряд отличных ребят в землю уложил, тогда уже поздно...

– А почему скука – это плохо? – когда пауза затянулась, решил все-таки я спросить.

– Представь такого монстра, – вкрадчиво начал он, – который сжигает человека, потому что ему скучно. Он рушит дома, потому что скучно. Страшно?

– Н-но человек ведь не обязательно будет... делать это все?

– Дар влияет на мозги, – постучал сторож пальцем по виску, – поэтому, кстати, слово аристократа нерушимо. Они воспитываются через честь рода, для них немислимо переступить через слово, это часть их души. А если в душе человека – скука, то вся его жизнь превратится в постоянные поиски новых впечатлений. Самые доступные из них при наличии силы и власти – война, страдания других людей. Он не сможет ничего создавать, потому что это долго и скучно... Поэтому я... испугался, когда тебя увидел сегодня, – завершил он.

– А любопытство и дар – они дружат? – стало мне любопытно.

– Хм, – почесал он затылок, – не знаю даже. Вроде ничего страшного вспомнить не могу. У Целителей – сострадание и любовь, – еле слышно начал перебирать он, – у Палачей – голод...

– А у ученых?

– У ученых, чтобы ты знал, гордыня чаще всего, – почему-то подмигнул он. – Там ведь деньги выбивать надо на исследования, а для этого характер надо – о-го-го! На одном любопытстве далеко не уйдешь. Даже клановые ученые – вот у кого денег точно хватает, те тоже на Чести и Долге. Все ради Рода, все во славу Клана! Так что про любопытство сам узнавай... да ты и узнаешь – дар заставит.

Через две недели Семен завершил год со всеми пятерками. А еще через день весь, казалось, интернат провожал двух человек – большого, с клюкой, неуклюже ковыляющего к ограде по мощеной дорожке, и маленького, с портфелем в одной руке и рукой нового отца в другой. Та рука, как все знали, сторожа не слушалась, да и сам он был калекой – о чем зло шутили себе под нос старшеклассники, по пояс высовываясь из окон. И завидовали – как и все остальные. Потому что у них не было даже такого папки.

А меня перевели в старшую группу. Оказывается, не полагается ребенку жить одному, а я выгляжу достаточно взросло, чтобы занять койку в большом зале на третьем этаже.

Я только успел перенести одеяло на новую постель и расстелил простыню, как на матрас напротив бухнулся темноволосый крепыш с наглыми карими глазами. Мазнул по нему взглядом – вроде бы с Семеном в одном классе учился, и они даже дрались. Значит, мстить собрался. Между тем парень положил ногу на ногу и принялся демонстративно меня разглядывать.

– Говорят, ты хороший парень. Калеке помогал? В сортире пальчиками придерживал, а? – осклабился желтой улыбкой местный.

На потеху подошла вся комната, с интересом ожидая продолжения беседы.

– Я не слишком хорош, чтобы смешно ответить тебе прямо сейчас, – честно признался я.

– Ха-ха!

– Поэтому я просто сломаю тебе нос.

...На следующий день меня вернули обратно.

# Глава 7

## Погрешность в один день

– Мама, мама, я нашла братика!

Маленькое светловолосое чудо в снежно-белом платье повисло на руке статной красавицы.

– Где, моя радость? – мягко вымолвили в ответ, приседая рядом.

Серебряное шитье платья коснулось пыли мощеной дорожки, но хозяйку драгоценного наряда совсем не заботила материальная роскошь – счастливая улыбка зеленоглазого чуда ценилась куда дороже.

– Во-от там! – уверенно ткнула пальчиком дочка, указывая на забор с чуланом. Заметила взгляд матери и спрятала пальчик за спиной. – Серый фургон с маленьким окошком. – На этот раз девочка почти не шевельнулась, умудрившись указать точное положение взглядом и поворотом подбородка.

– Амир, – чуть повернула голову госпожа.

Смуглый мужчина с короткой, аккуратно стриженной черной бородкой склонил голову, но не сдвинулся с места. Зато чуть ли не бегом унеслась в указанную сторону пятерка безликих, почти одинаковых крепких парней в черных костюмах.

– А главное – р-ра! И искры во всю сторону! – тем временем торопилась поделиться маленькая принцесса, вскидывая руки вверх и кружась вокруг матери.

Взрослая же красавица с улыбкой на устах и скрытой тоской в глазах смотрела на неказистое здание на границе поляны, в тени огромного циркового шатра. Вот мелькнули тени подле строения, перекрыв все подходы и буквально выдернув хлипкую дверцу. Один из дружинников скрылся внутри и появился через мгновение – в самом деле, что в том закутке смотреть. Грусть сжала сердце – дружинник отрицательно качнул головой.

– Показалось тебе, солнышко, – погладила мама дочку по волосам, – нет там твоего братика.

– Но! – насупилась было девочка, но тут же словно воздух из нее выпустили – даже сгорбилась немножко. – Я буду искать, мам. Я его найду!

– Обязательно, радость моя. – Госпожа коснулась ее лобика устами. – Хочешь на карусели?

– Нет, – хлюпнула носом принцесса. – Поедем домой?

– Хорошо, только сначала мы купим тебе самое вкусное мороженое!

– Здо́рово, – совсем не весело прозвучало в ответ, но тут же девочка исправилась, выдав искренне: – Спасибо!

К паре ненавязчиво подкатил мороженщик в белоснежном переднике, с ярким и цветастым холодильником на колесиках. А внутри того холодильника – чего там только не было!

Два очарования – зрелое и юное, медленно шли по тропинке в сторону выхода, огибая столь же неспешно идущих людей, иногда обгоняя, иногда давая себя обогнать. Мороженое медленно, по крохотным кусочкам таяло в девичьих устах. Позади них также лакомились мороженым – шесть мужчин, во главе с Амиром, которым девочка также щедро купила по мороженому. Только вот держали они вафельные рожки скорее как ножи, а само



мороженое отрывали кусками – в те моменты, когда девочка поворачивалась к ним – естественно, не забывая улыбаться.

– И все равно он там был, – скорее из вредности пробурчала девочка, останавливаясь перед черным минивэном.

– Когда-нибудь все придет, – подмигнула ей мама и одарила еще одним поцелуем – в очаровательный носик. – Ты обязательно его найдешь.

– Угу, – с кислым видом кивнула принцесса, глянула в сторону оставшегося позади парка и решительно шагнула к машине (дверь отъехала в сторону словно по волшебству), придирчиво посмотрела на десяток аккуратно пристегнутых ремнем безопасности игрушек и уцепилась за крупного – в половину ноги – игрушечного зайца.

– Амир...

Дядька Амир мягко отстранил девочку в сторону и с искренней улыбкой подал ей угловатую игрушку.

– Спасибо!

Принцесса столь же внезапно, как расцвела улыбкой, замерла, закрыв глаза, и утратила вообще какие-либо эмоции – будто спала без снов. Открыв глаза, внимательно огляделась по сторонам, решительно шагнула к скамейке возле входа и запрятала игрушку в кустах позади.

– Это – братику! – категорично заявило юное очарование.

– Хорошо, – с грустью улыбнулась ее мама. – Амир, едем.

Принцесса тут же подлетела к дядьке и требовательно протянула к нему руки, не забыв робко и застенчиво улыбнуться.

– Ами-ир... – заворчала старшая госпожа, но дядька уже кружил счастливо визжащую пигалицу на руках, а затем так же ловко усадил на кресло минивэна, застегивая ремешок.

В машине словно ожили: секунду назад – ни движения, а сейчас две красавицы-нянечки уже вовсю обихаживали юную госпожу, меняя ей обувь на мягкие тапочки, оттирая где-то испачкавшиеся щечки. Правда, делали это молча и не сюсюкая, с опаской поглядывая на смуглого мужчину возле машины. Дядька Амир такие нежности с будущим воином рода не терпел. И плевать ему было, что тому воину девятый годик! Но все свои ворчания нянечки разумно держали при себе.

Дверца захлопнулась, отсекая сантиметрами зачарованной стали и стекла юное чудо от взрослых проблем. Минивэн тихо взрыкнул волхвовским мотором, давая место длинной сигаре лимузина – для матери госпожи и ее спутника. Стоило и этим дверям захлопнуться, как некая магия буквально сковала посетителей парка – парочки, семейные группы, одинокие романтики внезапно теряли интерес к своим занятиям, клеткам с дивным зверьем и аттракционам, принимали отрешенное и сосредоточенное выражение лица, бросали в урны леденцы и мороженое, книги и билеты и направлялись на выход. Аккуратно снимали с себя форму продавцы и билетеры, накидывая на плечи одинаковые пиджаки. Дрожали ветви на деревьях, стряхивая к подножию человекообразные скопления листвы и веток с длинными и тяжелыми винтовками. Через пять минут из парка исчезла большая часть народа – не в воздухе растворилась, а организованно загрузилась в десяток черных автомобилей, уверенно влившихся в длинную черную стрелу кортежа километровой длины. На острие той стрелы – два турбированных джипа с косыми лезвиями отвалов под рев сирен сшибали на обочину все, что посмело вылезти головным машинам навстречу или стояло слишком близко к дороге. Князь этих мест будет явно недоволен. Тем, что были в его городе,

но не зашли в гости, разумеется.

Быстрая езда – все равно ожидание. А ожидание и тишина порождают разговоры.

– Я боюсь за Ксюшу. Это уже походит на какую-то манию. Она тыкает пальцем в небо, и мы несемся сломя голову на край мира, – высказалась госпожа, глядя на пролетающий за окном город.

– Всего раз в месяц, – уточнил Амир, рассматривая другую сторону города. – Принцессе полезны новые впечатления, новые места.

Его голос звучал совершенно без всякого акцента, низко, с легкой хрипотцой, без всякой спешки. Легко заслушаться и потерять запал.

– Но ведь она страдает!

– Мы все скорбим, – дипломатично ответил тот, которого нельзя назвать начальником охраны, но дело жизни которого – охрана принцессы.

С одной стороны, это позволяло говорить что угодно. С другой – лучше защищать тех, кто склонен тебе верить, доверяет и хорошо относится.

– Кроме этой с-сволочи, – начала заводиться леди.

– Ваш муж желал лучшего для семьи и рода. – Амир знал слова, которые надо произнести и которые он произнесет уже не первый раз.

– Бывший! Бывший муж! – словно выплюнула женщина.

– Воспитание Оракула – всегда боль и поиск. Как воспитывали вас, госпожа.

– У меня забрали мать! – в тихой ярости прошипела гневно-красивая фурия.

– И вы нашли ее, – качнул плечами телохранитель принцессы.

– В шестнадцать! Все это время я росла среди...! – прервала гневную отповедь леди и за мгновение вернула себе милый, чуть рассеянный облик. – Я не могу допустить, чтобы такое случилось с Ксенией.

«Не хочешь потерять влияние на дочь», – осталось невысказанным мужскими устами.

– Уверен, принцесса очень быстро найдет брата, – вместо этого произнес Амир. – Она уже знает, что он жив. Она видит образы вокруг.

– Образы без даты, фрагменты мест, разбросанных по всему миру? Кем, по-твоему, станет мой сын? Путешественником? Или неграмотным перекасти-полем без гроша в кармане?!

– Это значит, что твой сын проживет долгую жизнь. Радуйся и благодари Всевышнего.

– Будет ли та жизнь счастливой? Мне было бы спокойней, если бы мальчик был под опекой, – шепнула леди.

В ответ – тишина. Потому как и Амир и дама знали – озаботься они безопасностью ребенка, и будущий Оракул просто подойдет и спросит, с какого перепуга они прячут от нее любимого братишку. И не станет искать, напрягая силы своего дара, подчиняя его своей воле, ставя его на службу – себе и Клану.

Тяжел и сложен путь обретения дара, тернист и болезненен. Только через боль и муку, скорбь по родной крови может быть он возвращен. Не помогут уловки и хитрости – дар пройдет по родной крови к самому началу истории и выявит фальшь. Зато приз – огромен. Птицей лететь над полотном истории, заглядывая за горизонт, прослеживая ниточки жизни любого человека... Многие хотели бы этого могущества – что передавался только по женской линии Веденеевых, пробиваясь на свет лишь у единственной из целого поколения – да и то далеко не каждого.

Десять лет назад мать Ксении продали в другой род, посчитав сделку выгодной –

слишком слабым был дар младшей принцессы рода. Слишком сильно ненавидела она родню, чтобы остаться с ними под одной крышей. Слишком много плохого случилось за шестнадцать лет бессмысленных попыток пробудить талант. Слишком много зависти было в глазах родных и двоюродных сестер. Очень много этих «слишком» для хрупкой девушки – на свою беду, еще и неземной красоты.

Веденевы решили, что у такого слабосилка нет шансов на продолжение дара – тем более второе поколение подряд. Что не помешало взять воистину царский откуп и заодно спихнуть нелюбимую кровь.

Софью продали даже не в жены – просто еще один клан попытался разобраться в чуде Божьего промысла. В бумагах фигурировал «генетический материал – один комплект», а с суммы договора даже заплатили налоги...

Но тут случилось то, что очень редко бывает у деловых людей. Глава клана-покупателя, впервые осматривая юное и гордое приобретение – главным образом, дабы лично посмотреть на то, что обошлось ему в годовой бюджет, – влюбился. Вообще, люди такой величины лишены подобного недостатка, предпочитая действовать из понятий целесообразности и руководствуясь бизнес-планом, но тут нашла коса на камень.

Потому как сложно игнорировать пророчество – особенно если оно изречено подлинным (отчет на трех тысячах страницах, сотня страниц заключения, шесть страниц аналит-справки, виза казначей: «Берем») оракулом. Софья предрекла, что родит ему ребенка, которым он будет гордиться.

Обещаниям не принято верить, но что делать, столкнувшись с истинной правдой – особенно такой? Что-то щелкнуло в голове, заводя пружины древнего механизма, родом из пещерного века, – и бесчувственный человек-монстр «поплыл».

Через год родилась дочь – к тому времени о причине, по которой приобретали девушку, горевал только отдел генетиков, но, исходя из чувства самосохранения, даже не напоминал о запланированной программе исследований (не было там в планах любви, не делают такое с любимыми). Казначей втихую распивал коллекционное вино, выписывая на листке нескладные вирши, – его разум, пытаясь совместить расходную сумму и слово «любовь», выделял с прожженным циником странные вещи.

А пара супругов просто радовалась жизни, забыв про скучную генетику, причем настолько позабыв, что дар Ксении наверняка был бы упущен молодыми родителями, если бы... Если бы юное чадо уже в первые месяцы жизни не угадывало, в какой руке игрушка, кто стоит за дверью (радостные утуканья – папа пришел), когда придет вредный доктор с холодным стетоскопом (переползание под одеяльце).

Воистину, огромная радость пришла в их семью, в их род. И муж, казалось бы, совсем отринул других жен (увы, политика) ради ее одной и буквально не вылезал из постели, окружая вниманием, засыпая подарками. С каким же восторгом через два месяца она сообщала супругу то, что они уже оба знали от родового врача, – сын!

И водоворот восторга и семейного счастья повторился вновь. Пока, во время родовых схваток, не случилось что-то совсем непонятное. Вместо родовой больницы – серая громада самолета, напичканного приборами, потеря сознания, роды в дряхлом отделении, поздравление от добрых серых глаз за зеленой маской, приятная тяжесть плачущего новорожденного в руках. И темнота, развеявшаяся уже в знакомой спальне, в Москве.

Когда она узнала, что сотворил муж... как она кричала!

– Пророчество сбылось, – грустно улыбнулся супруг, недвижно созерцая бешенство

матери, потерявшей сына.

Она разнесла полдома, расцарапала ему лицо («виртуозу»!)... А дальше пошла апатия... И только лучик солнца – ее дочь – согревал сердце и душу. Леди не была дурой, так что грань умудрилась не перешагнуть, что позволило остаться подле дочери, а не на улице... и не в земле. Софье не нужно было влияния и власти, она просто хотела быть рядом. Потому что стоит хотя бы попытаться управлять Ксенией, настроить против отца или привязать к себе – ее тут же уберут от будущего оружия клана.

– Господин прислал за вами самолет. – Голос собеседника отвлек от собственных мыслей. Действительно, «господин» теперь подходит гораздо лучше, чем «муж».

– С Мистратовым? – как от зубной боли скривилась красавица.

Красота и сила в этом мире должны иметь хозяина. Раньше была родня, потом муж. Теперь отдел генетики робко проталкивал своих кандидатов – к счастью, действительно очень робко, смиренно надеясь на ответное чувство. Не из великой романтики – так повелел господин.

Чувство благодарности у него имелось – иначе бы рожать ей до скончания дней, вовсе не видя дочь. Но все может измениться – если она влезет в поиски собственным даром или помешает дочери обрести силу. А ведь так хотелось хотя бы краем глаза уловить его образ – фотография в документе, отражение в зеркале, в окне или луже, да хотя бы что-нибудь! Не велено – дару дочери проще считать образ из будущего, которое нашла мама, чем отыскать и удержать свой...

– Господин беспокоится о вашей безопасности.

– Да лучше на машине, чем с этой скотиной, – устало помассировала виски леди.

Увы, большая сила иногда не означает острого ума – так и некто Мистратов, «учитель» стихии воздуха, посчитал слова отдела генетики не намеком, а прямым приглашением исполнить роль племенного быка. И простые слова и объяснения тут совсем не помогали.

– Не велено, – подвел Амир черту спору. Ту черту, за которой женщине не положено обсуждать деяния мужчин рода.

Частный аэродром показался через десяток минут – с единственным самолетом на взлетной площадке. У трапа уже ждали – и, судя по мимике леди, был там и тот, кого она совсем не желала увидеть. Однако стоило даме выпорхнуть из дверей, никто и не догадался бы, что Ледяное Совершенство способно испытывать эмоции. И как только у одушевленного дýша льда и серебра могло родиться столь непосредственное и подвижное дитя? Принцесса вела себя подобающе тем знаниям, что давали ей учителя манер, но... рядом был дядька Амир, так что можно было немножко пошкодить – среди своих же. Желаящим сделать замечание следовало в первую очередь спросить себя – сколько они выживут против «мастера», который уловил угрозу цели. Вот-вот.

– Сонечка, вы как всегда обворожительны! – выступил из толпы дюже высокий мужчина в форме второго пилота и лихо подкрутил кончик уса. – А у меня для вас есть шампанское. И два бокала!

Видя, что Ледяная Королева собралась спокойно пройти мимо, Мистратов шагнул было навстречу, но леди резко двинулась навстречу, взмахнув рукой.

Вытянувшийся ноготок с набухшей на конце желтой капелькой завис перед глазом.

– Хочешь, я расскажу, как ты умреш-шь?

Воин медленно отступил в сторону, давая пройти.

– В-ведьма, – зло глянул он в сторону двух леди, поднимавшихся по трапу.

Маленькая фигурка замерла и медленно повернулась.

– Братик тебя накажет, – выдохнула маленькая принцесса.

Мистратов отшатнулся, но почти сразу будто бы наткнулся на стену.

– Я, канэчна, не братэк, но... – шепнуло ему в ухо нарочито небрежно.

# Глава 8

## Власть и мороженое

Нового сторожа подселили на второй день, и был он... ну вообще не герой! Сутулый и небритый, он, с двумя здоровыми руками и ногами, пах так, как никогда не позволял себе увечный дядя Коля. А когда он поздоровался, обнажив желтые зубы, я понял – вот как выглядят настоящие людоеды...

Еще он больно дрался, таскал мутную воду в бутылке без этикетки и дымил папирсой в форточку. И это в первый день – стоило только нянечке закрыть дверь за собой.

Половину ночи, маясь от дурного запаха и боли в ноге, я перебирал способы борьбы с людоедом. Был верный метод – кот в сапогах. Но не было сапог.

Использовать дар открыто мне настрого запретил дядька, оттого становилось еще грустнее. Жаловаться няне я не хотел, сам справлюсь – вот только придумаю как.

Потому лежал и смотрел в потолок, морщась от храпа нового соседа. Уж лучше бы Лайку подселили, она и сторожит лучше и пахнет вкуснее. И ничего, что она не обученная, – ее выдрессировать можно. Одна котлета – и Лайка уже знает команды «сидеть» и «голос». Вот бы с людьми так было просто. Хм!

Я залез под матрас и выудил заветный том словаря. Где там буква «Д»? «Дрессировка – обучение с помощью чередования положительных и отрицательных подкреплений». А учиться никогда не поздно – это все знают. И учить – тоже!

Глянул на соседа и отрицательно качнул головой – котлету я ему точно не дам. Да и ремня тоже не дам – погрузнел я. Некстати зачесалось возле синяка на ноге.

Вот бы стать невидимым... Или чтобы был сильный друг и наказал злого дядьку. А лучше – сильный и невидимый друг! Хм-хм-хм! А зачем он должен существовать на самом деле? Губы тронула хитрая улыбка – точно такая, как у мужика за забором, когда он смотрел на забытую катушку с проводом.

Утром я встал пораньше (это было легко) и, прихватив остатки рафинада, оставшиеся после дяди Коли, отправился делать добро.

Когда дядя Сергей проснулся и вывалился из комнаты, то обнаружил два десятка детей, с сожалением смотрящих на него, покачивающих головой и отшатывающихся, стоило ему шагнуть их в сторону. Понятное дело, новый сторож не выдержал.

[Купить полную версию книги](#)